

Андрей Арсланович Мансуров

Разрешенная фантастика – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20057543

Аннотация

Я хочу выразить свою искреннюю благодарность Редакторам Журналов, Альманахов и фэнзинов: «Космопорт», «МирФантастики», «Фантаскоп», «Знание – сила», «Наша гавань», «Полдень 21 век», «Иерофанта.нет», «Астра Нова», «Млечный путь», «Эдита», «Метаморфозы», «Журнал Великоросс», и многих других – за то, что они любезно разрешили мне произведения, впервые опубликованные на страницах их изданий, (под этим ли именем, или под псевдонимом) опубликовать теперь и в личных Сборниках – этом и последующих. Разумеется, темы, которые поднимаются в них, не столь социально остры и неоднозначны, как в сборниках «Запрещённая фантастика 1 и 2», и в них несколько меньше юмора, чем в сборниках «Ироничная фантастика 1 и 2». Однако, смею надеяться, что содержание произведений, включённых в них, достаточно интересно и оригинально. Впрочем, тот факт, что они уже опубликованы, говорит сам за себя. Так же, пользуясь случаем, хочу поблагодарить участников конвента Интерпресскон-2016, своим решением назвавшими меня Лауреатом Премии «Полдня» за 2015 год, в номинации Проза, за повесть «Доступная женщина». (Чертовски приятно

видеть своё имя в одном ряду с такими Лауреатами-мэтрами, как: Стругацкий, Амнуэль, Лукьянов, Логинов, и другие: <https://fantlab.ru/award31>) В этой части Сборника только два произведения в традиционном для меня жанре сайнс-фикшн. Остальные пять – мистика, ужасы и фэнтези.

Мансуров Андрей.

Разрешённая фантастика – 2.

Сборник.

Предисловие автора.

Я хочу выразить свою искреннюю благодарность Редакторам Журналов, Альманахов и фэнзинов: «Космопорт», «МирФантастики», «Фантаскоп», «Знание – сила», «Наша гавань», «Полдень 21 век», «Иерофанта.нет», «Астра Нова», «Млечный путь», «Эдита», «Метаморфозы», «Журнал Великороссъ», и многих других – за то, что они любезно разрешили мне произведения, впервые опубликованные на страницах их изданий, (под этим ли именем, или под псевдонимом) опубликовать теперь и в личных Сборниках – этом и последующих.

Разумеется, темы, которые поднимаются в них, не столь социально остры и неоднозначны, как в сборниках «Запрещённая фантастика 1 и 2», и в них несколько меньше юмора, чем в сборниках «Ироничная фантастика 1 и 2». Однако, смею надеяться, что содержание произведений, включённых в них, достаточно интересно и оригинально.

Впрочем, тот факт, что они уже опубликованы, говорит сам за себя.

Так же, пользуясь случаем, хочу поблагодарить участни-

ков конвента Интерпресскон-2016, своим решением назвавшими меня Лауреатом Премии «Полдня» за 2015 год, в номинации Проза, за повесть «Доступная женищина». (Чертовски приятно видеть своё имя в одном ряду с такими Лауреатами-мэтрами, как: Стругацкий, Амнуэль, Лукьянов, Логинов, и другие: <<https://fantlab.ru/award31>>)

В этой части Сборника только два произведения в традиционном для меня жанре сайнс-фикин. Остальные пять – мистика, ужасы и фэнтези.

Желаю Вам приятного чтения.

Спасибо.

1. Храбрость.
2. Положительный результат.
3. Безопасный способ захоронения.
4. Чёртов котёл.
5. Янтарные капли.
6. Из Валахии – с любовью!..
7. Шахта смерти.

1. Храбрость

Рассказ.

Остерегайся слишком пристально вглядываться в Бездну.
Иначе Бездна может захотеть взглянуться в тебя!

Акутагава.

Чернота завораживала.

Она буквально притягивала к себе, словно маня несбывшимися мечтами и радужными надеждами.

Но что он получит, если и правда, послушается её зова... И войдёт?!

Сглотнув тягучий комок, торчащий в горле, он невольно сделал шаг назад. Сердце стучало так, словно собиралось выпрыгнуть через уши, а струйки холодного пота текли по спине, сделав рубаху насквозь мокрой. Голову будто сдавил незримый обруч.

Кошмар.

Воплотившийся.

Гос-споди... А ведь так невинно всё начиналось!..

Звонок от деда Васи Виталий Степанович воспринял в контексте обстоятельств – как нормальную семейную обязанность. Выполнить которую нужно обязательно. Но – на какое-то время выполнение можно и отсрочить.

А момент на работе сложился как раз напряжённый: через три дня предстояло сдавать полугодовой отчёт в Финансовое и Налоговое Управления, и работы как всегда навалилось море. Рутинной, занудной, но – неизбежной, как снежные бураны зимой, или летние грозы, и такой же неумолимо предсказуемой. Отчёты нужно сдать во что бы то ни ста-

ло: иначе плакали все премиальные Конторы и его, соответственно, тоже.

Так что вечером, придя с работы и узнав у жены, что и как, он перезвонил, вежливо извинился перед тётей Клавой, (женой деда Васи) и сказал, что раньше понедельника ну никак не сможет.

Тётя Клава, не сказать, чтобы попеняла ему, (Ну так – она ж понимает! Занятой человек! Всё-таки старший экономист – это вам не просто так! А конкретно – объект законной гордости для родных и близких, и зависти – для окружающих, у кого родные не достигли высот такой ответственной Должности...) но расстроилась. Он понял по тону, что дед уж очень хотел повидаться. Ладно – он постарается!

Он и правда постарался, и сразу после планёрки, спихнув на Ольгу Владимировну текучку, «оседлал» любимую девятку. Заправился на выезде из города, и двинул по новому суперскоростному шоссе Казань-Москва.

Съехав на обочину, где имелся специально сделанный для дальнобойщиков асфальтированный карман, он подкрепился бутербродом, который заботливо соорудила Мария. Правда, новомодным «чизбургерам» и «бигмакам» она никогда не подражала, но от этого толстенно-сочное слоистое сооружение не становилось хуже: напротив, раз начав кусать, остановиться было уже невозможно... Чем, похоже, и объяснялось наметившееся пару (Если не пять!) лет назад брюшко Виталия Степановича, недавно заставившее повертеть ши-

лом очередную дырку в ремне: кулинарными способностями любимой жены.

Так что запивая из ветерана – литрового термоса, уже лет десять как в трёх местах треснувшего, и аккуратно обмотанного синей изолентой, пластикового корпуса, сменившего три пробки, желтоватого там, где полагалось сиять белизной, и всё равно отлично сохранявшего кофе горячим – он только посмеивался. Больше, правда, над собой.

Проехав чуть дальше, пришлось свернуть уже на районную дорогу.

Когда настала пора съезжать на узенькую дорогу к бывшему колхозу «Путь Ильича», ныне гордо именуемому ООО «Богатырь», он уже успел пропотеть, несмотря на заблаговременно снятый пиджак. В воздухе стояла подозрительная хмара, делая небо не глубоко-голубым, как ему положено в начале лета, а беловато-серым. Оттуда, сверху, что-то буквально нависало, ощущаясь грудью, да и всем телом. Не иначе – вечером хлынет очередной ливень.

В деревню Курунтай Виталий Степанович въехал в третьем часу.

Дом родителей жены ничем не отличался в ряду таких же, когда-то колхозных, а сейчас – выкупленных «частных» сооружений, построенных во времена незабвенного Никиты Сергеевича, когда Царица полей фактически задушила производство того, что росло на местных полях более-менее прилично: ржи, сахарной свёклы, и конопли.

Оставив машину у чуть покосившихся и давно не крашеных ворот высотой по пояс, когда-то явно очень скрупулёзно и аккуратно набранных из строго одинаковых по ширине дощатых планочек, он просто открыл никогда не запирающуюся калитку, и вошёл.

Скрип петель и хлопанье о косяк традиционно сопровождался лаем соседской собачонки – Виталий до сих пор не знал, как эту разномастную шавку звать. Тёща не менее традиционно называла нарушителя спокойствия «Санькин кабысдох!»

Тётя Клава вышла на крыльцо. Видать, услышала мотор, и увидела машину.

Обнялись, расцеловались. Виталий Степанович передал узел из багажника, оперативно собранный Марией. Тётя Клава как всегда приговаривая: «Да что ж это такое! Не надо было ничего передавать! Главное – чтоб повидались-то сами...», провела его в дом.

Дед Вася, похоже, уже не вставал с монументальной ретро-кровати.

Во всяком случае, когда Виталий Степанович прошёл во вторую комнату, и привычно перекрестился на образа в углу, навстречу ему сухопарое и почерневшее почти до коричневого от постоянного «пребывания на воздухе» тело не поднялось. Оно приветствовало его только возгласами да движениями рук, приподнявшимися для объятий.

Виталий Степанович поспешил приопуститься на коле-

но, чтобы и дать возможность тестю, и самому обнять того. Неприятно поразил вид судна, эмалированный край которого бросился в глаза у изножия постели: значит, точно — дед не встаёт уж давно. Да и еле заметный приторно-сладкий запах мочи и давно немытого потного тела, не сказать, чтоб бил в ноздри, но...

— Здравствуйте, Василий Инверович! — поторопился наконец разлепить сжавшиеся от нехорошего предчувствия, губы, Виталий.

— Ну здравствуй, здравствуй, зятёк. — голос деда сильно ослаб со времени их последней встречи — когда они с Марией приезжали на его восьмидесятишестилетие пять месяцев назад. Но тон оставался как всегда бодрым и словно чуть подтрунивающим. Дед, согласно неоднократным заверениям тёщи, в свои молодые, (да и зрелые!) годы любил и выпить и пошутить. А уж татарские «народные» частушки пел как никто, ещё и бойко подыгрывая себе на крошечной национальной гармошке — помнил и юморных, и скабрёзных, наверное, не меньше тысячи куплетов...

И вот теперь Виталий не знал, как начать разговор: страшновато и чертовски неприятно оказалось увидеть — не согнутого ни невзгодами голодного военного времени, когда десятилетний Вася пахал, сеял и убирал всё ту же рожь наравне с оставшимися в селе (Тогда ещё — селе!) женщинами, ни ужасным климатом, ни «кукурузными» заботами, а сейчас как-то резко сдавшего деда.

Дед, однако, сам пришёл на помощь:

– Клавдия. Нам с зятем нужно серьёзно поговорить. Может, посмотришь, что там с обедом? – Клавдия, в глазах которой Виталий уловил то же, что и в своей груди – бесконечное сожаление и предчувствие близкого конца этого хозяйственного «настоящего мужика» – сглотнув, только кивнула, подозрительно часто моргая. После чего, явно сдерживая рыдания, ушла на кухню, пристроенную к первой комнате, так и не отняв от груди напряжённых сцепленных ладоней.

– Виталик. – дед всегда называл его так, несмотря на то, что тому и самому скоро светила пенсия, – Я по твоим глазам вижу, что ты всё понял.

Нет-нет, не надо меня утешать, или подбадривать! – дед остановил жестом готовый вылиться изо рта зятя поток ненужных отрицаний и заверений, – *Я-то знаю*. Поэтому тебя и позвал.

Так уж получилось, что из мужчин в нашей Семье остаёшься только ты.

Это было правдой. Сын тёти Клавы и деда Васи погиб в Афганистане, поскольку был кадровым военным. Груз номер двести прибыл в Курунтай в восемьдесят первом году. Похоронили майора Усманова на крохотном деревенском кладбище, и с тех пор дед словно замкнулся, взор теперь смотрел как бы в себя, внутрь: весёлость сменилась самоуглублённой озабоченностью. Хмурые брови и немногословность, как очень быстро понял Виталий, относились вовсе не к

нему – новому родственнику, а к себе.

У Виталия же с Марией родилось две девочки. Первая, Наталья, уже давно выучилась на химика-технолога, вышла замуж, и отчалила в Данию: работать и жить. Вторая, Елена, защитила кандидатскую, обосновалась в Москве, и проявила себя отличной специалисткой: преподаёт и работает в медицинском. Хотя пока и не замужем, но с этим ещё не горит...

Поэтому Виталий, прекратив никому не нужные попытки «подбадривания», заткнулся и просто кивнул.

– Ну так вот. Я хочу, чтобы ты сходил в сарай и... посмотрел. Там, в дальнем углу, за старой молотилкой, стоит... Дверь. – слово «дверь» тесть произнёс словно бы с большой буквы, – Внимательно осмотри её. Изучи подробно – как сделана. Тебе будет нетрудно. Всё запомни. Иди прямо сейчас. Я... подожду.

Виталий снова кивнул и поднялся со стула, который ему сразу, и как-то незаметно, оказывается, пододвинула тётя Клава. Пройти в сарай... Осмотреть дверь. Хм. Странно.

Пересекая аккуратно прибранный двор с заасфальтированными чисто выметенными дорожками, он недоумевал: момент явно очень серьёзный. Не иначе, тесть чувствует, что приближается конец. И хочет сообщить что-то важное. Но при чём тут *дверь*?!

В сарае у деда Васи пахло скипидаром и машинным маслом. Здесь царил, как, впрочем, и везде в Хозяйстве, образцовый порядок. Ничто под ногами не болталось, грудями

в углах навалено не было, и всё стояло и висело так, словно стояло и висело именно на этих местах десятилетиями. Впрочем, усмехнулся про себя Виталий, так ведь и было.

Дверь в дальнем углу он нашёл легко.

А вот понять, зачем он должен её осматривать пока так и не удалось.

Впрочем, к делу он подошёл добросовестно. Тут он от тестя мало чем отличался: подчинённые много раз ворчали и пеняли ему, что он «уж слишком скрупулёзный и дотошный», как в цифрах, так и в дисциплине...

Да разве Старший Экономист может быть другим?!

Так. Каркас собственно двери из досок «пятёрок» – они идут по окантовке. Внутрь вставлены более тонкие пластины-плашки. Да, такая конструкция была популярна лет пятьдесят назад. Правда, есть любители псевдоретро и сейчас: на строительных базах он такие модели тоже встречал.

Так, а это – что? А-а, вон оно как. Продольные и поперечные доски каркаса крепятся на шипах. И клею. Никак, столярном – вон, в одном из углов сохранились потёки...

Рама-косяк, в которой дверь сидела, тоже оказалась собрана без гвоздей или шурупов: на клею, и хитро выбранных пазах и шипах – «ласточкиных гнёздах».

Что ж. Вполне стандартная конструкция... Только вот петли.

Петли оказались не традиционно стальные, а медные. Причём – чисто медные. Они потемнели до почти чёрного, а

кое-где даже позеленели. Шурупы, крепившие петли к косяку и двери, тоже оказались медными. Ручка имелаась только с одной – наружной – стороны, и сделана была, что Виталия уже не удивило, опять-таки из меди.

Ну и что?..

Поняв, что уже минут двадцать вертит злосчастную дверь туда и сюда, словно «дурень – писанную торбу», и познакомился со всеми «тонкостями» и «особенностями», Виталий снова протиснулся мимо старой (Но – наверняка – ещё на ходу! Дед другого состояния подотчётного инвентаря и не потерпел бы!) прицепной молотилки, и вышел из сарая. Когда хлопнул дверью, соседский «кабысдох» снова растявкалился.

Прежде чем войти обратно в дом, Виталий оглядел горизонт. Очень душно. Похоже, вон из тех облачков, и серости за ними, к ночи набежит-таки гроза... А ему ещё ехать. Но вначале надо всё-таки выяснить, чего же хочет от него дед, и пообедать – иначе тётя Клава обидится. И будет права: она всё-таки старалась для него – любимого зятя!..

Тесть смотрел на него... С обычной татарской хитринкой. Но только когда Виталий подошёл и снова уселся на стул, разлепил губы:

– Запомнил? *Сам* такую построить сможешь?

Виталий опешил. С чего бы это ему – Старшему Экономисту! – *делать* Дверь?! Их вон: десятки моделей продаются на строительном базаре. Да и в любом хозмаге...

Но подумав, решил что, надо будет – и справится: а что! В молодости всё-таки закончил «столярно-плотницкое...» Это уж потом умные люди посоветовали получить высшее образование – мол, не помешает. Не помешало. Хоть и попотеть пришлось. Десятки раз готов был плюнуть и бросить! И если бы не мягкое, но настойчивое «вразумление» со стороны Марии, глядишь и...

Он кивнул.

Дед вздохнул. Поморгал. Сказал:

– Сядь поближе. Во-первых – мне уже тяжело говорить... Громко. А во-вторых – не хочу, чтобы Клавдия слышала. – Виталий пересел и даже нагнулся к тонким ниточкам губ, которые дед на протяжении всего монолога, следовавшего затем, часто облизывал.

– Дверь эту я сделал восемь лет назад. Она такая, как показал мне отец – Инвер Эльдарович, стало быть... Он показал мне её. А потом... Разобрал!

И тебе придётся разобрать мою. Уже потом. Когда... – зрачками дед показал в потолок. Виталий опять не набрался духу возразить что-либо. Чувствовал, что дед прав. И знает это. Так что он просто в очередной раз кивнул.

– Словом, дверь я сделал тогда, когда меня прихватило первый раз – ну, ты помнишь! – Ещё бы! Первый инфаркт деда Васи Виталий помнил отлично. Если б не оперативная доставка на любимой девятке, и не знакомый однокашник в районной больнице, неизвестно, чем бы всё тогда могло...

Он сглотнул.

– Вот тогда, пока я лежал там, в палате, да всё в белый потолок пялился, я и подумал – пора... Пора отправляться в лучшие места. А что: дочь пристроена, хозяйство налажено... Даже газ из района провели: теперь не надо чёртов уголь запасать и перетаскивать в погреб! (Виталий помнил и такое. Пять тонн на зиму – и вёдрами из кучи, вываленной КАМАЗом у ближайшей стены – да в угольный подпол!) Клавдия теперь справится. Опять же вы с Марией – будете навещать её на день рождения... Да по праздникам.

Словом, хотел я тогда поступить, как отец-то говаривал: «Сделал дело – гуляй смело!» А чтоб «гулять», нужно было сделать вот *это*. Дверь, которую ты только что видел.

Я почему заставил тебя подробно изучить и рассмотреть, как устроена. Ты же кончал столярное... А мастерство и руки, – дед чуть приподнял свои похожие на клешни жилистые узловатые руки над одеялом, – никуда не деваются. Это-то – всегда при тебе. Словом, повтори конструкцию. Я лично могу гарантировать: работает.

Видя недоумевающий взгляд зятя, дед поторопился продолжить:

– Да, я знаю, о чём ты подумал: с чего бы ей не работать! Но... Это – *не та* работа!

По-настоящему такая Дверь сработает только один раз. Зато как!..

Теперь-то могу признаться: мне просто... Не хватило

храбрости.

Да, чёрт его задери, будь оно всё трижды неладно! Именно так: я испугался! – зрачки деда расширились почти во всю радужку, и дыхание с присвистом вырывалось из груди: похоже, «работа» Двери не на шутку волновала его до сих пор!..

Однако дед быстро взял себя в руки:

– Хотя, если честно – и кто бы тут не испугался... Словом, вот что я тебе должен передать. Как инструкцию. Если приспичит (Тьфу-тьфу!) – сделай такую же дверь. Прислони её туда, где у тебя есть свободное место – к любой стене, будь там хоть кафель, хоть штукатурка, хоть обои... Прикрепи поосновательней. Края косяка залепи к стене. Хоть скотчем строительным, хоть изолентой. Лишь бы – чем-то непрозрачным. Затем...

Рука деда зашарила под подушкой, и вернулась согнутой в кулак. Кулак открылся, и переложил в подставленную Виталием ладонь смятую засаленную бумажку:

– Вот. Прочти сейчас и запомни. На всякий случай. Это из Евангелие от Матфея. Скажешь эти слова три раза. А потом... Потом – тебе понадобится вся смелость, какая у тебя найдётся. Потому что войти... Страшно.

Нет, не то слово – **ЖУТКО СТРАШНО!!!**

Я сам, когда увидел, что там, за дверью, вначале-то обрадовался, как дурак... А потом... Когда осознал, что – всё! Обратного пути не будет...

Испугался. Какой бы ни был оставшийся мне срок – а об-

рывать его вот так, сходу... Пусть и там болит, и здесь – не разогнёшься, да на дождь этот, что на подходе – все кости ломит... Особенно крестец... И глаза уж ни ...я не видят, и руки – даже молотка не держат... А всё ж таки – я – жив! А там...

Будет ли это – *жизнь*? Или я... Просто исчезну?

Словом, я дверь-то тогда закрыл. А когда открыл назавтра во второй раз – ни-че-го! Только стена горячо любимого сарая. И читай-не читай, уже – пшик! Упустил я свой шанс. Такое... Даётся лишь раз в жизни – сделай я теперь хоть ещё тыщу дверей.

Ну, с другой стороны, я не слишком-то и расстроился тогда... Вот. – дед словно приободрился, с довольной улыбочкой глядя в глаза зятю. – Уже восемь лет скриплю тут потихоньку... Несмотря на то, что так и не знаю – что ждёт меня *теперь* ТАМ, на той стороне: райские кущи ли... Или котлы с огнём неугасимым.

Словом, увидал я тогда, когда в *первый раз* открыл Дверь, не иначе, как Райский Сад. Травка там такая... Зелёная! Изумрудная прямо. А уж ровная и мягкая – словно кто стриг. Газонокосилкой. И – небо, глубокое-глубокое... Затягивает – словно полетать приглашает! А ощущение такое – что *там* можно и полетать!... Солнышко опять же светит, облачка эти-кие кучерявенькие... Бегут себе деловито. Тепло – как летом. Да там, наверное, и всегда так... Вечное лето. А уж деревья!..

Тут тебе и вишни, и яблони, и груши, и ещё какая-то красотища иностранная – я такие только в теплице районной видывал... А иных – так и вовсе не видывал! И всё в цвету!.. А пахло как, как... М-м-м... Ну, как в Раю. А ещё заметил – и плоды там были. На всех деревьях. Вот так: и цветут и плодоносят... Словом, думаю, с голоду бы там точно не помер! Но...

Не хватило мне смелости, Виталик, не хватило... Или...

Или жалко стало Клаву – на кого ж я её оставляю-то, на старости лет, если... А ведь нечестно это: раз могу ещё двигаться, силёнки мал-мало осталось в теле – надо жить! А не... бежать. Бежать – стыдно!

Вот ежели бы я был, скажем, неизлечимо болен... Ну там, рак, паралич, как при инсульте-то бывает, или ещё чего, (Не дай Бог!) вот тогда, может, и...

Н-да. Словом, зятёк, закрыл я тогда чёртову дверь, и... Остался здесь. – Виталий заметил, как в уголке глаза деда собралась предательская влага, которую тот поспешил проморгать, и смахнуть узловатым пальцем. Но дед ещё не закончил:

– Тебе могу посоветовать: ты Дверь-то себе сделай... А неровен час – случись чего, или прицепится какая неизлечимая болячка (Снова – тьфу-тьфу!) и сможешь... По-крайней мере, от жуткой боли избавишься. Н-да.

Ну, вот и всё. Теперь ты *знаешь*.

А уж как распорядиться...

Дед в очередной раз облизал губы, и словно откинулся чуть глубже в кровать, покосившись на образа в углу. Виталий Степанович тоже облизал почему-то пересохшие губы, и выпрямился на стуле.

Чёрт возьми!..

А ведь дед-то... Говорит *правду*!

Он чуял это всем своим прагматично-казённым методичным нутром!

Никакой это не розыгрыш и не очередной дедовский прикол. Это – самая что ни на есть правда.

Запасной выход для... Уставших жить. Неизлечимо больных. Отчаявшихся. Сломленных горем. Да и просто – стариков. Однако он не мог не спросить:

– Василий Инверович. Не поймите меня неправильно... Но откуда ваш отец-то узнал... Про Дверь?

– Дед ему рассказал. А дед привёз, вроде, это тайное знание из Германии. Он там стоял с гарнизоном в сорок шестом... Там и узнал. В Неберкирхене. Сам, правда, не пробовал. Рассказал только отцу. И бумажку эту передал. Она, вроде, на латыни... Да ты взгляни-то!

Виталий расправил бумажку (Никакая это оказалась не бумажка – а тонкий и, похоже, очень древний пергамент! Уж Виталий-то разбирался!) на колене.

Три слова. Точно – на латыни. Буквы еле различимы, и проступают жёлто-корич-невыми следами выгоревших чернил на грязно-жёлтом фоне пергамента. Написано каллигра-

фически – словно писал какой-нибудь средневековый монах... А, может, так и есть – похоже, просто переписано гусиным (!) пером из Евангелие. Католического.

Сами-то слова знакомы. Ещё бы: такие даже школьник, знающий хотя бы латинский алфавит, прочтёт легко.

Но школьник вряд ли «заморочится» «собственноручным» изготовлением Двери...

– Запомнил? Спрячь подальше – мало ли... А Клавдии и Марье скажешь, что я объяснял тебе подробно про Завещание. Хотя чего там объяснять: пока Клава жива – всё ей. Как надумает помирать – сама пусть составит своё, как захочет.

Ну, ладно... Зятёк. Дай-ка я тебя обниму. На прощанье. – дед покудахтал. Очевидно, это должно было обозначать очередную его шутку.

Она явно не получилась – дед и сам понял: вздохнул.

Но деда Виталик обнял крепко, сам еле сдерживая слёзы, и играя желваками на скулах. Вот: оказывается, он вредно-дотошного тестя чертовски сильно...

И если что – ему будет его реально не хватать!

Гроза началась когда он уже подъезжал к городу. Времени было почти десять – задержаться пришлось, чтобы уж тёща не обиделась, что он не «наслаждался» её стряпнёй, а «гло-тал, аки утка!» Еда тёти Клавы и правда, нравилась Виталию Степановичу: если говорить языком современной молодёжи – обалденно! В смысле – обалденно вкусно.

Поэтому загнав машину в гараж, и зайдя домой, ужинать Виталий отказался.

Зато потом долго и обстоятельно, вздыхая и хмуря брови, рассказывал жене, в каком виде нашёл деда, и что сказала ему на кухне мать Марии.

Мария разрыдалась. Отца она и побаивалась, (Уж больно строг был в детстве – «в строй ставил!») и любила. Не той, показушной, любовью, как у многих, многих знакомых Виталия Степановича – а настоящей. Которая не проявляется в лживо-горячих долгих объятиях, и слюнявых поцелуях (особенно – после пятой рюмки), а живёт в состоянии духа. Когда человек спокойно знает – да. Для этого человека он готов на всё. На всё!

Виталий уважал свою жену – умом она, пожалуй, даже превосходила его самого. Это выяснилось довольно быстро: все его «наезды», и даже уже начавшиеся ссоры-разборки она умела быстро подавить буквально в зародыше. Несколько простыми вопросами или фразами доказав ему, что ссориться-то – не из-за чего! Да и поругавшись вдоволь, и наоравшись до хрипоты, они ничего не приобретут, и друг другу не докажут, (Глупо что в тридцать, что в пятьдесят лет менять привычки и саму натуру!) а лишь разрушат свои, ближе к старости – спокойные и взаимоуважительные отношения...

Как он неоднократно шутил по этому поводу, что это ей надо было родиться мужиком!.. Ну, или податься в полити-

ку. На что она обычно отшучивалась, что ему тогда нужно записываться в зануды-бюрократы... Теперь-то, ближе к пенсии, он уже понимал, что и это – не совсем шутка.

Посочувствовав жене и порасстраивавшись сам, Виталий вымылся и лёг. Спал всё же неплохо.

Утром бумажку-пергамент перепрятал в «уголке домашнего мастера», который отгородил себе в кладовке над лестничным пролётом, и пошёл на работу.

Как-то так получилось, что несколько месяцев всё шло вполне буднично и обычно: каждый день на звонки тётя Клава отвечала, что всё потихоньку, деду не хуже. Правда, и не лучше – а чего ещё ждать в восемьдесят семь... Районный врач – пышнотелая краснощёкая хохотушка лет двадцати восьми – регулярно заезжает, колет бэ двенадцать, да таблетки Тромбоаса и Талитона приносит... Да ещё какую-то «химию» деду выписала.

Умер дед внезапно – в начале октября. Похоже, как сказала по телефону тёща – во сне. Наверное, не мучился. Сообщая это, тётя Клава не плакала.

Похороны Виталий Степанович помнил плохо – ПАЗик «чёрного тюльпана» за пять минут довёз гроб до крохотного кладбища позади до сих пор неработающей церквушки, которую местные начальники восстанавливать не видели смысла: в деревне осталось не больше пятидесяти человек. Из которых большая часть – эти самые старушки. А отказ реста-

вредить церкви местная и районная Администрация объясняла тем, что до соседней – всего два кэмэ... И это была правда.

Вот из этой-то церквушки соседнего села Виталий и приезд по па – что б уж всё было «Как положено!» Ну, так всё и получилось. И закончилось очень быстро.

Когда землекопы заравняли свежий холмик и пристроили все венки и цветы, тётя Клава закрыла лицо руками. За всё это время она не уронила ни слезинки. Виталий и сам не плакал. Причитала какая-то соседка – уж так всхлипывала, так всхлипывала... Точно это она была женой деда Васи... Или хотя бы любовницей.

На поминках собрались почти исключительно одни бабушки. Дедушка-то, похоже, оставался только у тёти Клавдии. Лапша оказалась покупной, а салаты, колбасы, копчёности, и солёные огурчики «под водочку», как и саму «беленькую», Виталий и Мария привезли сами. Уж водки-то набрали самой лучшей: для деда Васи не жалко и раскошиться... И ещё купили свежайших закусок: нарезкой и готовкой салатов теперь почти никто из жителей их города не заморачивался – всё делали шустрые «понаехавшие» «азиатки», захватившие целый угол на районном рынке, и уже имевшие постоянных клиентов.

Опасаясь оставлять тещу одну (Не дай Бог – какой инсульт!) Виталий убедился, что у Марии оба мобильника работают, чмокнул её как-то впопыхах в щёку, и уехал домой

один, уже позже девяти. Работы опять навалили.

Дома, хоть было уже полночь, достал из укромного угла смятую записку.

Долго смотрел на неё. Потом всё же свернул и сунул обратно.

Про записку Виталий Степанович почти не вспоминал до того момента, как спустя три года после дедовских похорон стало болеть под правым ребром.

Вначале попробовал привычные простенькие методы: Панкреатин, Мезим, Ношпу. Потом – препараты алюминия. Потом сел на диету: ни жаренного, ни острого, ни жирного... На какое-то время помогло.

Когда боли усилились и участились – пришлось-таки идти «глотать кишку», и пить какую-то гадость, чтобы «просвечиваться». И делать и сдавать ещё массу анализов. А вот потом, когда профессорша попросила привести жену, Виталий обо всём догадался.

Рак печени.

Неизлечимо. Жутко болезненно.

От курса химеотерапии Виталий пока отказался.

В ближайшее воскресенье отправился, несмотря на боли, на местную барахолку. На следующее воскресенье пришлось съездить и на Центральную. Проходя там с час, докупил всё, что хотел: и петли, и ручку, и даже шурупы... Ну правильно – на то и столичный город. Тут можно найти всё.

Клей у него дома уже имелся. А уж про инструменты и говорить не надо...

Планки, брусья и доски со строительного базара привёз домой в среду.

Субботу и воскресенье, несмотря на ворчание жены, что «занимается какой-то хренюю вместо того, чтоб отдохнуть», посвятил планированию, расчерчиванию и распиловке заготовок.

Собирать дверь и косяк-раму начал на следующие субботу и воскресенье – благо, ни идти ни ехать никуда не надо было.

За две недели с работой управился.

В четверг Виталий Степанович пришёл домой в обед. На работе сослался на усилившиеся боли. Там на него теперь смотрели, с трудом скрывая жалость – он к этому никак не мог привыкнуть. А ещё бы не с жалостью: люди же не идиоты! Сами видят, что исчезли брюшко и гордая осанка, и морщины прорезались на осунувшемся бледном лице...

Он буквально нутром чувствовал, что через пару-тройку месяцев на его похороны коллеги притащат огромно-помпезный, казённо выглядящий венок на ножках, с надписью «от друзей и коллег по работе»...

Дверь оказалось возможно прикрепить лишь в единственном месте в квартире: меж двух окон в зале. Крохотные спаленки их трёхкомнатной в девятиэтажке, в которых раньше базировались дочери, все сплошь уставлены мебелью, или

заняты ещё чем «неперемещаемым» или «памятным».

Планочки, которые Виталий прикрепил к раме специально для этой цели, легко и прочно прижались к стене: он посадил их на саморезы. (Он уже продумал, что, не получись что-то, легко зашпаклюет дыры от них.) Единственное, что очень расстроило – держать дрель-шуруповерт оказалось уже очень трудно... Как он понимал теперь тестя!

Дыры и щели по периметру рамы он заделал строительным скотчем. Не просвечивает. Ну всё.

Можно, вроде, приступать – завещание он оформил и подписал чин-чинарём, ещё месяц назад, когда всё это завертелось...

Однако он принёс из мастерской табурет, поставил напротив двери и сел.

Долго её рассматривал, сам не понимая, зачем.

Да, страшно.

Дед прав, тысячу раз прав: *такое* – не просто страшно, а *очень* страшно!..

Поневоле вспомнился Шекспир и его Гамлет: «...достойно ль?..»

Но Гамлет не был болен – только хотел отомстить мерзавцу-узурпатору, унижавшему мать. Убийце отца. Так что Гамлет – «ещё не сделал дело», поэтому и не мог «гулять смело».

А вот он – сделал.

Он даже дочерям позвонил. Не то, чтобы попрощаться, а так... Типа, взбодрить их.

Взбодрятся они, как же... Они его тоже чуяли – младшая грозила на выходные приехать.

А вот этого он бы не хотел – слёзы ей, может, и удастся сдержать, но он-то будет знать – чего ей это стоит... Ладно, у него было время всё как следует обдумать, и... Надумать. Он заставил себя оторвать похудевший зад от табурета.

Ф-фу... Если он хочет «уйти» до прихода Марии, нужно это делать.

Или – сдаваться!

А он не хотел, чтоб Мария запомнила его таким, каким он неизбежно станет через несколько месяцев – тощей и морщащейся от боли развалиной где-то на больничной койке реанимации, под белой простынёй в ослепительно-мертвящем свете голубых ламп...

Он развернул клочок бумаги. Вспомнил деда: прости, тесть, если что было не так. Ему-то уйти *придётся*! И здесь Василий Инверович словно в воду глядел...

Правда, вот передавать тайные знания про Дверь он сам не собирался никому.

Справившись с голосом и прокашлявшись, он внятно и громко прочёл три раза.

Перекрестился на всякий случай.

Открыл.

Всё верно: Дверь работает.

Вот только закрыться всё время почему-то норовит:

неправильная балансировка косяка. Он, не придумав ничего лучше, снял и подпёр Дверь обеими домашними тапочками. Порядок. Можно смотреть внутрь, не опасаясь, что дверь хлопнется сама, не дождавшись его решения...

Однако его насторожило то, что вместо описанного дедом «Райского сада» в проёме словно клубилась... Темнота. Да! Темнота казалась буквально жидкой и чернильно (Вот уж – тавтология!) чёрной. И она вовсе не стояла застывшим монолитом, как иногда кажется в безлунные ночи, да ещё когда вдруг отключают электричество, и тьму в спальне не рассеивает привычный огонёк ночника.

Она...

Да – она клубилась, двигалась, переливалась всеми, если их можно так назвать, оттенками угольно-мазутной тьмы, пугая и притягивая взгляд одновременно! Так на него действовало обычно течение реки... Или – горение огня.

Но здесь – не горело. И не текло. Только клубилось – клубилось, не сдвигаясь с места...

Но почему же нет «деревьев в цветах и плодах»?! Может, в Саду сейчас – ночь? А почему тогда не видно звёзд?.. Да и вообще – ничего не видно! Та полоса света, что падает из его комнаты, должна, казалось бы, хоть на полу что-то освещать? Или *там* нет пола?

Или... Или деду показали Сад потому, что он ему и был предначертан.

А ему – место, где он будет... Ждать? Суда? Или...

Чёрт возьми! Опять – сплошные «или»! Если ему и суждено попасть «к котлам», в любом случае это сделать надо – чему быть, того не миновать! А Марии всё же будет полегче, когда он освободит её от неизбежных и дорогих, но таких бессмысленных попыток удержать подольше на этом Свете его бренное, и болезненно истаивающее тело...

Однако когда Виталий подошёл поближе, темнота и её вращение-клубление словно заложили уши ватой, навалились странным гулом и давлением на сознание и черепную коробку... Он невольно сделал шаг назад. Давление словно ослабло...

Постой-ка!..

Завещание-то он написал, а вот записку... Письмо. Он не попрощался с Марией!..

Не объяснил ей, что хочет уйти, не мучая её – ни морально, ни физически. Собственно, это не так страшно: он все свои дела устроил. Кредиты давно закрыты, квартира на Марию – переоформлена. Дочери... Пристроены. Возможно, Мария захочет перебраться в Данию, к старшей. Она как-то с год назад об этом говорила.

Вот. Про это он и напишет.

Он сел за письменный стол, взял приготовленный лист и ручку.

Оглянулся на Портал Двери – там всё по-прежнему. Вздохнув, он начал:

– «Мария!

Прости меня за то, что я собираюсь...»

Больше он написать ничего не успел: высунувшаяся из клубящихся вихрей темноты абсолютно бесшумно огромная волосатая лапа схватила его поперёк туловища и втащила в проём – он даже удивиться или крикнуть не успел!..

Затем вернувшийся чудовищный палец когтем аккуратно отодвинул домашние тапочки. Дверь плотно закрылась.

Когда Мария подошла к подъезду, нехорошее предчувствие сжало сердце – словно ледяной волосатой лапой.

Соседки, с горестно-удручённым видом стоявшие над очерченным мелом контуром на асфальте, расступились, чтобы она могла подойти, запричитали громче:

– Маша! Горе-то какое! Как жаль Виталика! Такой ещё молодой, крепкий!.. – возгласы прервал появившийся словно ниоткуда человек в форме – на самом деле он просто вышел из-за милицейского ГАЗика, стоявшего тут же:

– Мария Васильевна? – она невольно кивнула, – лейтенант Дусеев. Мои глубочайшие соболезнования... Вашего мужа уже увезла скорая. Но, боюсь, сделать уже ничего не удастся – травмы слишком... Несовместимы с жизнью. Прошу прощения – мне придётся задать вам несколько вопросов. Если не возражаете. И квартиру осмотреть.

Она как-то механически покивала, осознавая, что на неё пялятся все – и стоящие вокруг, и высывающиеся из окон любопытствующие.

Ещё бы: не каждый день люди падают с девятого этажа...

На негнущихся ногах она прошла к лифту. Лейтенант и его помощники оттеснили тех, кто пытался последовать за ней.

В квартире... Ей показалось странным только одно: прикреплённая прямо к бетонной стене в зале новая, даже некрашенная, дверь – между двумя окнами.

Похоже, это Виталий прикрепил её. И совсем недавно: на-верное, пришёл с работы пораньше. Лейтенант попросил:

– Не могли бы мы с вами пройти на кухню, пока эксперты займутся окнами?

Эксперты – два задумчиво-угрюмых мужчины в штатском, вежливо покивав ей, прошли из прихожей к окнам. С собой они внесли три чемоданчика.

Пока она отвечала, словно сквозь сон, на стандартные и задаваемые сдержанно-вежливым тоном вопросы о «состоянии здоровья в последние дни», о привычках, ясности мышления и настроении мужа, когда он узнал о..., и т.д., разговоры в зале экспертов с каким-то новоприбывшим начальством всё равно невольно откладывались в подсознании:

– «Нет, это совершенно точно. Окна не открывались по крайней мере два-три дня! Только форточки. Пыль и... – какие-то термины остались непонятными, но она поняла – Виталий не воспользовался окнами. Да оно и понятно! Кто бы закрыл их за ним?!

Другой эксперт обследовал замки входной двери:

– «Нет, только – оригинальными ключами... Или – впустил сам...»

–... «Следов чужой обуви нет. Но на всякий случай придётся ковёр из зала изъять...»

А больше всего поразил вопрос лейтенанта:

– У вас был ключ от замка чердака?

Она точно знала – ключ есть только у подъездкома, вредной старой вдовы – тёти Шуры, как все называли Гульбахор Каримовну, и она никогда его никому не даст: только сама откроет, и проследит, что и как делается на вверенной её хозяйскому оку, крыше.

Голоса в зале теперь говорили на чуть повышенных тонах:

– «... что значит – не вылезал? Может вы ещё скажете, что он прошёл прямо сквозь стену в эту дверь?!»

– Прошу прощения ещё раз, уважаемая Мария Васильевна. Если у нас возникнут ещё вопросы, я позвоню. Или подъеду...

Она не помнила точно, как они убрались из её квартиры, да это и не имело значения. Она почему-то поняла, зачем отец три года назад вызывал Виталия.

Хотел рассказать ему о...

Двери.

Не спроста же муж, уже в таком состоянии, сделал её.

Может, это – его «запасной выход?» Интересно, что предстало его взору там, за Дверью?.. А ещё интересней, что видел Василий Инверович... Раз не воспользовался.

Но когда она подошла к двери и открыла её, за ней оказалась обычная стена.

А вот для Виталия она, похоже, стала-таки... Пропуском. Вот только – куда?..
Куда?

2. Положительный результат.

Рассказ.

В то, что инопланетяне всё же существуют, Бишопу поверить-таки пришлось.

Потому что ни одна земная технология не способна перенести человека вот так, мгновенно, без малейшей подготовки и предупреждения, не то, что в другую Вселенную, а и в другую комнату...

А то, что он – в другой Вселенной, или, по крайней мере, на другой планете – однозначно.

Это заметно хотя бы по тому, как легко здесь дышится: похоже, процент кислорода побольше, чем там, «дома». Да и гравитационный показатель явно пониже: когда попробовал подпрыгнуть прямо на месте – подлетел чуть не на фут. И это – он, который не то, что пробежки по Центральному парку, как другие коллеги-профессора не совершал...

А и утренней зарядкой-то пренебрегал, считая, что в сорок два года он уж как-нибудь пока без неё...

Н-да.

А лучше бы – не обходился. Мало ли чего ему теперь предстоит.

А ведь – предстоит.

Иначе его не обнажали бы полностью, лишний раз намекая, что «нуль-транспор-тировке» подвергся лишь живой организм. И не помещали бы в столь вопиюще напоминающую крысиный лабиринт, обстановку! Видно которую, кстати, неплохо: рассеянный белый свет словно исходит прямо из белых же стен, и от потолка с полом. Тоже белых.

Бишоп, всё ещё стоя на месте, попробовал продышаться – от неожиданности словно задохнулся. Возможно, что и побледнел. Но постарался побыстрее взять себя в руки: от паники толку точно не будет!

Он, оставаясь в центре помещения, сделал оборот вокруг своей оси. (Конечно, если считать, что у преподавателя высшей математики есть оси...)

Комната явно кубической формы. Да и правильно: чтоб лабиринт был совершенен, он и должен состоять из таких, абсолютно идентичных, словно взаимозаменяющихся, комнат-блоков. Чтоб у подопытной крысы не имелось ориентиров. Или ему придётся оставлять после себя «пахучие метки», как делают муравьи профессора Парелли?

Вряд ли. У него столько «пахучего вещества» не наберётся...

Он хмыкнул – лучше относиться к случившемуся с иро-

нией. Иначе... Можно просто спятить. Особенно – если серьёзно задуматься над всеми сопутствующими вопросами. («Мы не одиноки во Вселенной!»)

Лучше как следует подумать, как *выбраться* отсюда. Ведь его сюда поместили однозначно – не для того, чтоб он любовался на комнаты-блоки. И не рассуждал абстрактно о внеземном разуме.

От него явно ждут «проявления высшей нервной деятельности».

То есть – «решения» чёртова Лабиринта. Нахождением выхода.

Посмотрим.

Подумаем.

Размерчик сторон... Хм-м... Примерно пять на пять на пять. Шагов, или метров. Четыре белых стены, белые же пол и потолок. В углах каждой стороны комнаты-куба – отверстия. Похожие на дверные проёмы.

Надо же: проёмы-то сделаны... Словно под него: в высоту – точно под его рост: чтобы прошёл, и не треснулся макушкой, стало быть... В ширину – фута два. Никаких дверей. Толщина стен, если судить по косякам – дюйма три.

И, разумеется, расположены проёмы абсолютно одинаково: по, условно говоря, левым углам стен: так, чтобы нельзя было увидеть, что в соседнем помещении, не подойдя и не заглянув.

Отверстия в полу и потолке точно такие же. От потолоч-

ного проёма вниз вдоль стены спускается лестница: без перил. Только ступени. Из белого материала. Странная лестница: словно кто-то просто взял длинную, двухфутовой ширины полосу металла, и сложил гармошкой – так, что размер ступеней примерно по футу... Толщина полосы... Тоже дюйма три. Начинается у проёма в потолке, заканчивается в пустом углу. Вход на следующий нижний ярус – в противоположном, диагональном, углу.

Ну, задача-то, в принципе, понятна: каждая соседняя комната будет точной *зеркальной* копией соседней – опять-таки, чтобы он не мог заглянуть вперёд дальше, чем на одну комнату-перевёртыш. Можно даже не подходить, чтобы проверить: иначе какого ...рена бы он был преподавателем именно высшей математики – науки, основанной на чёткой и неумолимой логике.

Вот, значит, почему для прохождения чёртова лабиринта выбрали его.

«Синие (Или – зелёные?) человечки» попросту хотят проверить, насколько логичны самые логичные (По должности!) земные люди...

Ладно, он постарается не ударить «лицом на грязь...»

Бишоп сел прямо в центре комнаты, там, где и стоял.

Начнём думать. Логически.

Эта задача *должна* иметь решение. Причём – такое, чтобы он смог решить её.

Пока жив.

Может, именно поэтому нет ни пищи, ни воды – предполагается, что решение имеет конечное, и, сравнительно небольшое, время своего нахождения. И за это время он не погибнет от жажды, голода, или жары. Жара, кстати, умеренная – градусов двадцать пять Цельсия. Только-только чтобы он не испытывал холода без одежды. Значит, хотя бы физиологи землян проклятые инопланетяне позаботились изучить.

Ну а данные по «разумности, и адекватности поведения» должен дать он.

Бишоп вспомнил – эта мысль пронеслась у него фактически первой! – что читал рассказ о подобной ситуации. Случившейся, кстати, с каким-то тоже – учёным. Как инопланетяне поместили того в примерно такие же лабораторные условия, и заставили как-то решать некие задачи...

О! Точно! Тот учёный являлся специалистом по методам обучения, и на нём проверяли как раз методы. Как раз – обучения. Очень даже сходные с земными – типа того, что если не хочешь стоять под медленно возрастающим напряжением, быстренько научишься выбирать правильный путь! И когда решил правильно – получай фотографию нагой женщины. (Теория «вторичного подкрепления»! О том, как один вид пищи, или награды, заменяет пищу. Или награду.)

Слава Богу, его электричеством вперёд не гонят. Пока, во всяком случае.

Значит, будем считать, что время у него пока есть. Хотя...

Главный ограничивающий фактор, конечно – вода. Утром, за завтраком, он напился кофе. Перед лекцией ещё и хлебнул минералки. Чтоб не пересыхало горло от полуторачасовой «говорильни». Но это – ненадолго. Учитывая тёплый воздух и его насыщенность кислородом. Значит, и пища из желудка и вода из тела рассосутся быстро. При повышенном содержании кислорода ему будет, конечно, первое время полегче. Но и метаболизм организма при этом ускорится. Используя для этого опять-таки – больше воды. Плохо.

Тянуть нельзя: нужно найти *правильное* решение. И, соответственно, выйти из Лабиринта. Потому что очень похоже, что от этого зависит и его жизнь, и...

Существование людской Цивилизации. Так как очень даже может случиться так, что если он продемонстрирует тупость или упрямство, их, человечество, захотят попросту уничтожить. А вместо них заселить на землю каких-нибудь более умных. Например, не с розовой кожей, а с зелёной. И – не обязательно гуманоидов, а, может, и насекомых...

Эк, куда его повело!..

Чистая паранойя! Да ещё и ксено!

Нет, вряд ли пришельцы настолько аморальны, чтобы уничтожать «тупую» Разумную Расу. Скорее всего, они попросту улетят, предоставив людей самим себе, и не вступая в контакт. Который, возможно, мог бы многое земной науке и технологии дать...

Чёрт! Теперь его повело в другую крайность – в какие-то

глубины философии!

Ему сейчас нужно просто найти *решение*! И найти в ближайшие два дня – иначе он будет не ходить, а уже лишь ползать. От обезвоживания.

С закрытыми глазами почти удалось отстроиться от дикости ситуации.

Не-е-ет, осознавать и раздумывать над её дикостью – только нервы себе портить. И, судя по всему, портить совершенно бессмысленно и безрезультатно.

Никто его «в первичные условия» не вернёт, пока он не *справится с Задачей*.

А не справится – скорее всего, здесь же и погибнет. Что для исследователей – смерть одной единственной крысы в Лабиринте!.. Вот именно – пшик! Крыса же! Всегда можно взять другую: вдруг окажется посообразительней...

Значит, придётся, хочешь, или не хочешь, именно – решать. И именно – логично. Желательно ещё и так, чтоб не падать от усталости к концу. Так что бессмысленное метание, с перебором комнат в случайном порядке, нужно сразу исключить. (Так могла бы решать мисс Симмонс – она любит постоянно ссылаться на свою «сильно развитую природную интуицию».)

Здесь «природой» не пахнет. Лабиринт создан умышленно. И наверняка подчиняется определённым логическим закономерностям.

В частности, например, стены, пол и потолок явно сугубо материальны. (Во всяком случае – заднице уже жёстко!) Значит, обладают какой-то, может, конечно, и чрезвычайно большой, но – прочностью. И, следовательно – её пределом.

Он открыл глаза. Подошёл к косяку ближайшего отверстия в углу. Постучал.

Твёрдо. И отдаётся звонко.

Да, толщина стен – дюйма три. И внутри они наверняка – полые, и с каким-нибудь гофрировано-пустотным наполнителем. Для вящей прочности и лёгкости: как делают, например, те же двери на земле. Материал ногтю, конечно, не поддался. (Ха-ха!..)

Насколько он помнит фантастический рассказ «Фактор ограничения», где астронавты нашли планету – вычислительную машину, там именно предел прочности металла помешал исчезнувшим строителям ещё больше увеличить размер машины. Покрывавшей всю планету. А её верхние уровни возносились над землёй аж на тридцать миль...

(Страшно подумать, что какие-то чудовища построили специально для него махину с ребром тридцать на тридцать на тридцать! Миль. Неужели им больше заняться нечем?!)

Будем, стало быть, исходить из предпосылки, что, несмотря на малую гравитацию (похоже, в три четверти земной), собственный вес составляющих элементов всё же ограничивает размер Лабиринта – хотя бы по вертикали.

Но куда идти – вверх, или вниз? Где наиболее вероятен

выход?

Например, если выход вверху, то что он выиграет, попав на плоскую, и с разреженным (надо думать!) воздухом, и бесконечным белым, куда ни глянь, полем, верхнюю грань-крышу? Хм.

Нет. Логичней будет предположить, что выход, если где и есть – то на нижнем уровне-этаже этого Лабиринта. (Ну, как в небоскрёбах!) Вот туда он и пойдёт.

Вот только...

Как быть с ловушками? Такими, как в фильме «Куб»? Или...

Или ловушки возникают лишь в извращённых мозгах земных сценаристов? А инопланетянам нужна не его смерть, или реакция на опасность, а именно – мозги?

Блинн...

Идти всё равно придётся. Покачав головой, и тяжело вздохнув, он начал спуск по твёрдой, но не холодной поверхности лестницы. Вокруг всё словно погружено в вату – только шлёпают его босые ноги по прохладному не то – металлу, не то – пластику. Он старался вслух не материться – не сомневался, что за ним пристально наблюдают: слушают, смотрят через не приметные глазки видеокамер, может, и энцефалограмму какую дистанционно снимают...

Ну так – ...рен же вам он «проявит эмоции»!..

Уровень – раз. Белые стены, белая лестница, белый пол, по которому надо... Перейти в другой угол. Спуститься.

Уровень два. Перейти в другой...

На уровне на триста сорок два ниже первоначального пришлось сделать перерыв. А заодно и справить, стыдливо отойдя в угол, малую нужду...

Ноги, непривычные к таким нагрузкам, чертовски сильно дрожали. А если бы он поднимался?! Ох. Не хочется думать, что, если он неправ, придётся пробовать и это...

Он лёг на пол, положил икры и ступни на нижнюю ступеньку. О-о!.. Блаженство!

Однако разлёживаться сильно не приходится – он заметил, что потеет весьма сильно. (Жаль, что нет дезодорантов, которые так любят рекламировать телевидение! Вот где они пригодились бы! Вот только... Кто его тут будет *нюхать*?! Хотя... Как знать.)

Полежать пришлось не меньше получаса.

Дыхание успокоилось. Почти. Нервам он приказал заткнуться и не мешать следовать логике принятого решения. Дрожь в ногах, конечно, не прошла, а просто стала поменьше. Но какое-то время он продержится и с ней.

Ладно, пришлось с кряхтением подняться, и продолжить. Триста сорок три...

На уровне пятьсот восемнадцать отверстия в полу вдруг не оказалось.

Ага! Значит, его мысль о факторе ограничения по преде-

лу прочности материала оказалась верной. (Или строители этого монстра посчитали высоту в три, или сколько там на самом деле, километра, достаточной.)

Теперь, если предположить (!), что его изначально помещали в условный Центр Лабиринта, приходится признать, что до ближайшей ограничительной боковой стены – ещё пятьсот восемнадцать... Н-да.

Утешает только то, что по горизонтали идти легче.

Так он и двинулся – пересекая комнаты по диагонали, поворачивая так, чтоб идти к намеченной «северной» стороне, и считая уже вслух. Пусть знают, гады, что он не так прост:

– Двести шестьдесят два. Двести шестьдесят три.

На четыреста тридцать девятой комнате упёрся в стену уже без отверстия в «северной» стороне. А неплохо, мать его туды – теперь осталось двинуться под углом в девяносто градусов, чтобы выбраться «в угол» лабиринта-куба, если предположить, что тот именно такую форму и имеет. А что – очень даже логично!

Только вот вначале нужно посидеть немного. А лучше – полежать.

Двигаться теперь было, если не легче, то хотя бы осознать, что ты – у боковой и нижней стены Лабиринта – приятней. Осталось добраться до места, где исчезнет и отверстие в другой боковой для куба, а для него сейчас – передней, стене.

Таковое нашлось в пятьсот сорок второй комнате.

Чёрт. Вот впереди и тупик.

Ничего: он так и рассчитывал, что с первого раза выход вряд ли найдётся. Придётся ещё на девяносто градусов повернуть направление движения...

Девятьсот третья комната дала ему многое.

Во-первых, он узнал точное «сечение» куба: девятьсот три на девятьсот три на девятьсот три. Прикинул: если сторона пять метров, это, это... Почти пять километров.

И он потратил времени на прохождение пути, сверху вниз, и потом – вбок, и вбок, если считать по десять секунд на комнату... Плюс ещё два получасовых отдыха... Хм.

Семь-восемь часов.

Вот почему в горле так пересохло, и спать хочется – аж глаза сами закрываются. Он за день никогда столько не ходил. Иначе – зачем бы ему новенький, подходящий солидному профессору, «Ягуар»? Ну что – продолжить движение вдоль другой боковой грани?

Придётся. Отдыхать – даром терять время. И силы.

Потому что во сне он будет потеть хоть и не так интенсивно, но – неумолимо.

Пока добрался до следующей девятьсот третьей комнаты, уже ощущал пятки: с непривычки ходить по твёрдому, они здорово сбились.

Зато подтвердилась его гипотеза о том, что если где и есть

выход-вход – в, и из Лабиринта, то – в одном из нижних углов.

Вот здесь такой выход и имелся.

«Обычный» с виду проём, но – торчавший на неполюженном ему согласно счёту и логике, центральном, месте. Открывающийся в длинный белый (Ну – ещё бы!) коридор. Ограниченный с одной стороны глухой стеной. Путь – один, стало быть...

Настораживает!

Сечением коридор тоже, разумеется, пять на пять.

Чёрт.

Бишоп, не торопясь выйти из спасительной, почти уютной привычности Куба, придирчиво осмолтрел коридор. А дверей-то, или проёмов – нет. И конец теряется в белёсой, словно дымке...

Но идти всё равно придётся: другого *выхода* по логике вещей у него нет. Значит, это не конец Испытанию. А просто – переход на его новый Уровень сложности.

И что это будет теперь?

Посмотрим. Но...

Вначале всё равно положим, отдохнём. Подумаем...

Думал он не больше получаса.

Затем решил, что отдохнул достаточно. И нужно не тянуть зря.

Однако торцевую сторону коридора, расположенную в

нескольких шагах, исследовал тщательно.

Ох и не понравилась ему эта волосяной толщины щель в середине – пересекающая сверху донизу весь этот торец... Не иначе – ворота. Для впускания-выпускания чего-то большого.

Или – *кого-то* большого.

Неужели его попытаются... Догнать и съесть?!

Хм-м... Это было бы слишком просто. Нет, скорее всего, здесь проходят какие-либо служебные механизмы. Следящие за функциональностью Лабиринта.

Хотя (Какого чёрта?!) признаемся сами себе – ничего тут не «функционирует»! И в «обслуживании» не нуждается.

Значит – придётся бегать. Потому что отломать ничего нигде не удалось – он наг и безоружен. Да и ладно – может, они просто хотят выяснить предел его скорости и выносливости... Которые могли бы быть и получше, если б там, дома... Не пренебрегал.

Хотя бы зарядкой.

Створки-ворота начали открываться, когда он отошёл от них на добрых двести ярдов – на двести четырнадцать шагов.

Ну, дальше-то посчитать не удастся: потому что и правда – пришлось бегать!

Монстр, возникший за створками, сразу сказал Бишопу о том, что с психологией-то землян чёртовы «исследователи»

ознакомились... Страшилище то ещё! Клыки, когти, пасть – куда там акульей!.. И, заметив его – злобно зарычало. Голодное, стало быть...

Зато бегало оно не так быстро, как можно было бы ожидать. Какое-то время Бишопу удавалось не позволять сокращать дистанцию между ними. Затем, примерно через километр, он стал задыхаться, и начал выбиваться из сил.

Чудище издало торжествующий рёв, и удвоило усилия.

Пришлось снова поднажать!

О! Чуть было не проскочил мимо!

Проём справа – в стене, противоположной наружной стене Лабиринта!..

Он нырнул в полуметровую щель, надеясь, что монстр туда ну никак не пролезет...

Снова комната. Пять на пять на пять. Ни следа других проёмов, или люков. Тупик!

Зато у дальней стены на полу лежит... Ого-го!..

Это же – явно – оружие. Пушка, как говорят его студенты.

Только вот как пользоваться?! А ведь придётся научиться! Потому что монстр уже у проёма, и что было сил пытается пролезть! Или хоть дотянуться лапой с когтями, почище, чем у гризли. (Хорошо хоть, не может так же быстро двигаться, как американский медведь, разгоняющийся до шестидесяти!..) И – пастью. С весьма, оказывается, вонючим дыханием!

Проклятье: он и без этой «достоверной» детали не со-

мневался, что уж монстр-то – настоящий! И «договориться» планом Исследователей не предусмотрено!

Так. Вот оно – оружие.

Большое. Похожее чем-то на суперружье Зорга из «Пятого элемента». Если попробовать вставить руку сюда, в эту выемку, куда так удобно помещается предплечье, а вторую поместить под цевьё, придерживая ствол... Теперь сжать рукоять...

Включилось! Вот: загорелись три красных огонька! Напротив указательного пальца вырос спусковой крючок. Да оно и жужжит, оказывается: пусть чуть слышно, но явно – работает.

Ну-ка, осмотрим со всех сторон...

Три рычажка. Все три – в верхней позиции, и от всех указывают стрелки вниз.

Большое спасибо военным! Их «инструкции» и разъяснения всегда просты и доходчивы!

Проклятье! А вовремя он «разобрался»!

Потому что задний торец комнаты начал вдруг медленно и неумолимо двигаться к дверному проёму... Вот оно значит как. Ему дают на «решение» конечное время. И решение имеет два варианта: либо быть раздавленным неумолимым прессом... (Это – для убеждённых пацифистов и противников «насилия»!) Либо открыть себе проход, грохнув чёртова, явно плотоядного, зверя.

Он щёлкнул всеми тремя рычажками. Оружие загудело

сильней, огоньки стали зелёными. Он направил дуло на скалящуюся и злобно рычащую морду. (Вот уж кто не беспокоился о потере жидкости, буквально исходя слюной!..)

Только теперь он позволил себе испугаться: а не хотелось бы попасться такой твари на завтрак... Да и на ужин!

Палец плавно нажал на спусковой крючок.

Из ствола вырвалась очередь. Явно – пуль. Трассирующих. Отдачи практически нет – отличный баланс. Целиться – одно удовольствие!.. Он поторопился провести дулом поперёк проёма: завывшая, а затем и заскулившая, сразу отшатнувшаяся от проёма тварь, оказалась буквально перерезана пополам шквалом пронзающих плоть с противным чавкающим звуком, стальных злобных пчёл...

Когда скотина грохнулась на пол, он с трудом заставил палец отпустить спусковой крючок. Прислонился к стене. Уж слишком дрожали (Н-да: не списать на усталость!) ноги... Да и зубы, оказывается, выбивали ту ещё чечётку.

Он осмотрел оружие. (Ничего ему не сделалось. Даже кончик ствола не нагрелся!) Перевёл рычажки снова наверх. (Мало ли!..)

Вы как хотите, господа инопланетяне, но эту игрушку он заберёт с собой!

Выйдя в коридор, он попинал явно сдохшую тварь пяткой левой ноги.

Может, стоило бы напиться её крови – ведь воды нигде

нет? И явно не будет.

Он опустился рядом с лохматым монстром на колени. Даже так она оказалась вровень с его макушкой. Ох и здоровая, гадина... Шкура толстая, покрыта полусваливающейся бурой шерстью – довольно длинной. Зубёхи, торчащие из полукрытой в агонии пасти... Как у медведя. Ожерелье бы сделать из таких, да повесить на шею. На память. Шикарные вышли бы «трофеи». Он криво усмехнулся сам себе – придёт же в голову!...

Или это странное желание – всё-таки от тех, первобытных, охотничков? Ведь пара тысячелетий так называемой Цивилизованности дикаря лишь спрятала. Но не загнала окончательно в небытие...

Хм-м... Вскрыть бы шейную артерию для удобства. Или придётся вылизать лужу, которая уже натекала из не то – раны, не то – разреза?.. При взгляде на почерневшую и отвратительно вонявшую лужу, его, несмотря на пересохшее горло со сталактитовой вязкой слюной, слегка замутило.

На всякий случай он осмотрел свою «пушку» ещё раз. Так. Вот эта кнопка – что включает? Фонарь-подсветку. Пятно света на ближней стене очень даже приличное. А эта? Ага – выдвигает снизу ствол гранатомёта. Пока спрячем... А сзади?

Всё полезное, как и в автомате Калашникова, оказалось спрятано в прикладе. Запасная обойма. Пенал с маслом. Приборчик с окошечком. (Чёрт! Тестер какой, что ли?!)

Вот. Нож. Вполне обычный, без «вывертов». Отлично.

Он, преодолевая брезгливость, и зная, что сейчас за ним наверняка наблюдают особенно внимательно, решился: плевать на чуждые бактерии! Не могли устроители «крысиных бегов» не подумать об этом. Значит, смерть от неведомой кишечной инфекции ему не грозит. Ну, это – если следовать *логике...*

Шкуру прорезал с трудом. Зато шейную артерию нашёл легко. Кровь...

На вкус – омерзительна!

Б-р-р!.. Медный привкус, соль, вязкость, как у сметаны. Если только бывает красная сметана...

Но пить пришлось.

Вот: смотрите, мрази этакие: он не брезглив! Когда речь идёт о выживании.

Он зажал нос, и сделал несколько действительно больших глотков – мерзкий привкус наполнил рот и пробрал до самого паха... Блинн. Где вы, инстинкты первобытного дикаря-охотника? Который считал, что с кровью убитого животного отбирает и его жизненную силу. И все боевые навыки...

Недаром же аборигены съели-таки Кука.

Подумав, и посидев ещё на мягкой туше, он решил вырезать и печень: её-то точно можно есть. Сырой. И без опасения отравиться. Да и паразитов-глистов у явно «лабораторного» монстра – точно не будет.

Брюхо вскрылось ничуть не легче, чем шея. Фу-у... А потом и – тьфу!..

Вывалившиеся на пол омерзительные кольца осклизло-сизых кишок чуть было не заставили вылить обратно всё с таким трудом выпитое... Он сдержался. Пусть эти сволочи знают: человек может и не такое сделать. Чтобы выжить. И никакая «чуждая среда» не помешает ему, сорокалетнему холостяку без комплексов (Ну, почти!), взять то, что может помочь выживанию. (Сволочи. Смотрите-смотрите... Он не сдастся! Как там назывался этот рассказ Джека Лондона?.. А – «Любовь к жизни!»)

Печень на вкус оказалась ничего себе. И жевалась легко. К ней бы ещё соли...

Ничего – обошёл. Ещё кусок отложил, чтобы взять с собой. А пока занялся спиной полутонного монстра: как снимается шкура, его научил дедушка Жером, заядлый охотник в пятом поколении. Вот уж не думал – не гадал, что пригодится...

Он прорезал в прямоугольном окровавленном куске отверстие – чтобы пролезла голова. Стянул дырки в боках парой нарезанных шнуров. Нормально: прямо тебе доморощенный Рэмбо из самого первого фильма. Вот только он – не бывший морпех, а профессор. Был. (Ха-ха. Быстро же «среда» превратила его из иронично-интеллектуального, всегда изысканно одетого сноба в... Ну погодите же!.. Он ещё покажет этим голубым тыквоголовым, что человек, как бы его

не... Стоп! Хватит!)

Уложив в приклад всё, что извлёк из него, Бишоп двинулся дальше по коридору.

Рычажки на боку привёл на всякий случай опять в нижнее положение...

Свет погас без всякого предупреждения. Вот только что был – и нету его!

Хорошо, что озаботился *все* кнопочки и рычажки пушки проверить!..

Подсветка давала мутно-белый овал света впереди – ближний или дальний режим, как у фар автомобиля, не предусматривался. Да и правильно – зачем *это* на оружии? Если пехотинец лезет во тьму, он уж озаботится *заранее* захватить хороший большой фонарь.

Однако дальше пятидесяти шагов всё терялось в сплошной тьме. Да и ладно. Если здесь встретится что-нибудь ещё опасное, он услышит это в абсолютной тишине, сопровождавшей его движение с самого начала... А уж дышать бесшумно – нетрудно.

Он внимательно осматривал стены. Но других отверстий в них пока не попадалось. А ведь он, по объективным ощущениям (Да и по счёту. Пусть немного «подправленному» бегом.) давно прошёл границу куба-лабиринта, оставшегося слева. Что же там, за этой стеной, находится теперь? А за другой?..

Что-то насторожило его.

Может, это проснулось странное предощущение опасности, которое предупреждало его почти всегда перед крупными неприятностями – как, например, тогда, когда его сбила и покалечила машина, ведомая подростком, угнавшим её в угаре безбашенной «крутизны» жуткого опьянения, и спасавшимся на огромной скорости от машины полиции?..

Он тщательно посветил и проверил везде: стены, потолок, пол...

Точно.

Вон: в двух шагах впереди в полу снова обнаружилась волосяная щель. Особенно хорошо заметная в косом освещении, когда фонарь приближаешь к полу.

Не иначе – люк-ловушка.

И – что? Неужели если бы он наступил, его ждала бы смерть?!.. А как же?..

Все его логические построения?

Или этим придуркам нужно только знать, насколько действительны его инстинкты выживания? И – как далеко он готов зайти, сражаясь, или борясь за свою жизнь?!

Так. Ладно. Проверять на собственной шкуре он не собирается. Значит – придётся пожертвовать остатками печёнки – благо, её ещё добрых два кило...

Печень упала точно на центр, обозначенный средней линией между двумя боковыми – больше щелей он в тускловатом свете не нашёл.

Спустя полсекунды (Он считал – И!.. А вот – «Раз!» не состоялся.) обе створки люка опрокинулись вниз, и его недооцененная еда пропала. Однако посветив вниз фонариком, он обнаружил, что не совсем – она просто накололась и зависла на одном из заострённых кольев-штырей, сотнями покрывавших дно квадратной ямы глубиной метров в десять.

Неплохо для «гуманных» исследователей «поведенческих реакций», будь они неладны...

Перекинув оружие со включённым фонарём на ту сторону, он разбежался, и прыгнул. Конечно, до рекорсменов ему далеко, но уж четыре метра он преодолеть, по идее, должен. И точно!

Пушку на руку он одевал как родную – со вздохом облегчения и глупой улыбкой, расплзшейся, как он чувствовал, по всему лицу.

Вперёд, бравый воин крысячего лабиринта! Что-то ждёт тебя за углом?

Если таковой тут обнаружится...

Пол и стены он теперь осматривал особенно внимательно. Однако инстинкт заткнулся, и помалкивал.

Значит, будем надеяться, всё более-менее в порядке.

Вот разве что кроме этого звука. Там, впереди...

А, ну конечно: можно было догадаться! Недаром же он называл чёртов лабиринт – именно *таким*! Вон они, набегают! Сплошной массой, посверкивая искорками близко распо-

женных глаз, и обнажённых в предвкушении пиршества, острых зубов! Поцокивая коготками по голой белой поверхности!

И, похоже, им он представляется большим и вкусным потенциальным куском мяса. Которое нужно скорее сожрать. Предварительно завалив жертву на пол, и убив.

...рен же вам! Пока у него в руках нехилая огневая мощь, или хотя бы – нож, он не сдастся!

Он быстро занял «позицию лёжа», расположив ствол боком, и как можно ниже – почти у пола! – и открыл максимально эффективный в таком положении огонь! Он знал: некоторые пули пронзят *так* не один десяток тел!

Звуки, доносившиеся теперь со стороны стаи, могли бы вызвать содрогание у более изнеженной или чувствительной натуры: визг, писк, плач раненных, чмоканье попавших в цель пуль!.. Он не прекращал огонь, пока не опустел магазин. А когда это случилось, за пару секунд перезарядил – благо, потренировался ещё у «медведя»!

Однако вторая обойма не понадобилась: «противник», «напуганный и деморализованный», в панике отступил, даже не дав себе труда сожрать раненных... Мимо которых Бишоп через пару минут прошёл, брезгливо стараясь держаться подальше от трупов, и хлюпая по крови и ошмёткам плоти босыми ступнями. Ничего – обсохнут быстро.

Однако когда он, оглянувшись, посмотрел на кровавые следы подошв, остающиеся сзади, дрожь пробежала от пяток

до макушки: каким он, возможно, со стороны кажется беспринципным монстром... Готовым, чуть что – стрелять. А, может, крысы просто хотели познакомиться поближе?!..

Он снова отдышался – что-то его опять подташнивало. Не то – от запаха окровавленной шерсти, не то – от того, что пришлось сделать.

Но двигался он точно так же, как раньше – придиристо осматривая пол, стены и потолок. Ага – вон, теперь – в потолке. Уже знакомые три волосяных щели... Хорошо, что догадался взять с собой и тащить за хвост трёх самых упитанных крыс.

Нет, не то, чтобы для еды... А как раз для таких случаев. Сочное шмякание первой тушки на пол под центр люка ничего не дало.

Вторую он метнул вдоль коридора – вдруг там, в стенах, фотоэлемент... Точно.

Распахивание створок потолочного люка вызвало грохот обвала, особенно оглушительного в узком пространстве, и падение на пол примерно двадцати тонн каменных обломков размером с прикроватную тумбочку... Это их почти правильная форма навела его на такую аналогию.

Покряхтев и поругавшись, он осторожно, чтоб не поранить словно стянувшиеся от высохшей кровавой корки ступни, перебрался на другую сторону завала. Заодно ступни о каменные грани «обшелушил». Ругался про себя – чувал, что прослушивают. Гады предусмотрительные. «Тумбочку»

с собой «на всякий пожарный случай» не потащишь...

Чёрт. Пока – всё довольно просто. Вначале – тест на логическое мышление.

Затем – на сообразительность и брезгливость. Ну, и скорость бега...

Теперь приходится ждать чего-то посложней. Например, решения этических, нравственных, и прочих «сложноповеденческих» проблем!

Появление из внезапно открывшихся, подсвеченных изнутри жёлтым светом боковых люков, девочки и старухи его не удивило – ждал чего-то именно такого. Как и того, что на «девушек» нападают твари вроде динозавров.

Одновременно нападают.

Значит, выбор невелик – спасти он успеет кого-то одного!

Уже почти родной, привычной, тяжести оружия он не ощущал, но вскинуть его и прицелиться... Всё равно – занимает драгоценные доли секунды!..

Девочке повезло, старухе – нет. Челюсти сомкнулись на морщинистой шее, взгляд затравленно-умоляющих глаз сказал ему, что старуха опечалена его решением, но...

Но все они снова мгновенно исчезли за захлопнувшимися люками – и спасённая девочка, и старуха с пульсирующей фонтаном крови шеей, и разрезанное пополам тело первого монстра, и туша второго – со всё ещё укоризненно глядящей остекленевшими глазами головой в пасти... Проклятье.

Именно после таких, про которые знаешь, что они – «выбор из двух зол», решений, и ощущаешь себя особенно мерзко... словно выпил целое ведро помоев. Хотя и хорошо прокипячённых.

Он двинулся дальше, уже не пытаясь скрыть хриплого дыхания, и продолжая автоматически осматривать всё вокруг. Хорошо хоть, аккумулятор у фонаря явно обладал огромным ресурсом – свет не тускнел.

Внезапно снова стало светло – так же резко, как и потемнело.

Он прищурился, инстинктивно прижавшись спиной к одной из стен и оглядывая коридор в обеих направлениях – ждал нападения в миг, когда он ещё не приспособил зрение к ослепительной после кромешной тьмы яркости!

Но никто на него не напал. Пока. Он, снова приглядываясь к стенам и полу, двинулся дальше.

А вот и новая «шуточка» устроителей тест-полигона.

Угол.

Он заглянул, сразу скрывшись назад.

А ничего. В-смысле, ничего угрожающего. Почти.

Потому что лежащее на полу шагах в пятидесяти за поворотом тело явно принадлежит представителю гомо-сапиенса. Только – женского пола!

Уж женских-то тел, да ещё обнажённых, он, как признанный ловелас номер один Кафедры, понавиделся за последние двадцать лет... Как это на него до сих пор в суд за «ис-

пользование служебного положения» никто не подал. Видать – всё же нравилось!..

Это самое «использование»!

Окружающую обстановку по дороге к телу он осматривал особенно внимательно. Хотя интуитивно чувствовал – ловушек вокруг больше нет. Главная ловушка – одна. И она ждёт его, непринуждённо и грациозно-сексапильно развалившись на спине, там, впереди.

Когда он, стараясь не шлёпать отбитыми ступнями, приблизился шагов на пять, девушка подняла веки – можно подумать, он поверит, что до этого она спала!

На него уставились два огромных глаза.

Вау!!! Фиолетовые! Бездонные! Излучающие в его сторону только одну страсть!

Назовите его кургузой лошадю, если у девушки в глазах не воплощённая Похоть!

Вот она, не спуская с него горящих глаз, потянулась – с грацией, присущей только женщинам и большим кошкам: львицам, пантерам, пумам... Повернулась «передом» к нему – до этого лежала на спине.

Боже! Какое тело! Да и лицо... Вылитая Джинна Лоллобриджида в молодости! Да ещё и пышноволосая блондинка! Похоже – вот и пипец его здравому рассудку! И раскладкам об «осторожности»!

– Милый! – Какой голос! Медоточивая сирена! Бедный Одиссей – устоять можно, только если тебя привязали к

мачте... А вот его никто не догадался привязать, – Наконец-то! Я заждалась! Ну, иди же, иди скорей!

Руки восхитительной формы изящно приподнялись, призывая его прийти. В объятья. Глаза дамы подёрнуло томной поволокой... А уж хитруще-многообещающая улыбка – куда там Джоконде!

Эта зар-раза явно не притворяется: похоже, удовлетворение первичного инстинкта заложено в её головку создателями как базовое!.. Да и вся она – воплощение совершенства! Кожа нежно-розовая, мягкая и с тончайшим пушком – словно у ребёнка! А как движутся точёные ножки, словно приоткрывая... Врата Рая!

Чёрт возьми!.. Приходится признать, что кем бы ни были эти чёртовы инопланетяне, уж мужскую психологию и физиологию они освоили в совершенстве! Потому что у него...

Всё для выполнения того, чего явно домогалась «человеческая самка», было готово!

Плоть, напрягшись до упора, только что не звенела!..

Однако он не совсем всё же потерял голову, помня о том, где он, и – что с ним пытаются сделать. Просто... Отодвинул все эти опасения до поры до времени в самый дальний уголок сознания. И храбро пошёл на поводу подсознания и либидо!

Поэтому подойдя к девице, снял с себя шкуру-пончо, растелил на полу поперёк коридора, и так же – поперёк! – переложил слегка удивившуюся девицу.

После чего непримянул воспользоваться приглашением, обойдясь без традиционной словесной и физической прелюдии: дама вряд ли оценит его комплименты, поскольку вряд ли она реальна и обладает сознанием...

Скорее всего, это – фантом, гомункул, созданный искусственно в какой-нибудь камере для клонирования, и избавленный от всех лишних мыслей. Имеющий назначением лишь одно: отвлечь его подольше от продвижения к выходу!..

Однако раз уж выпал такой шанс, он нагло воспользуется! Пусть даже его напрягает мысль о том, что им нужен лишь образец его спермы...

Чувствовал он себя совсем как герой известного анекдота про любовника, которого застал в постели с жёнушкой муж, и предложил «продолжить, пока он сходит сварит на всех кофе»... Но чёртов основной инстинкт не дал себя отвлечь от основного действия!

Всё равно всё это много времени не заняло.

Зато уж финал происходил бурно! То, что у девушки всё «подстроено» именно под его размер и привычки, сомнения не вызывало! Даже прерывистое дыхание, чуть слышные вздохи, и остренькие ноготки, исколовшие и исцарапавшие шею и спину! Вот только сильно мешала необходимость каждые пять секунд бросать взгляды вправо и влево по коридору...

Но он справился.

Девушка забила, застонала. Он, ощутив приближение пика, и поняв, что не в силах сдерживаться, тоже забился, заорал!..

Вот и всё. Можно вставать со сразу «потерявшей сознание», и словно растёкшейся аморфной куклой-тряпкой по его шкуре дамы – она явно выключена.

Дёрнув щекой, он перекатил женщину в сторону. Его трясло. Но – не от холода, от которого он поторопился предохраниваться, вновь забравшись в шкуру.

Чёрт, всё ещё безумно прекрасна и желанна... Не иначе, кто-то всё-таки просканировал его мозги, и увидел тип, от которого он «голову потеряет». Хотя он как раз смеет надеяться, что всё же не совсем потерял.

Но и противиться не смог. Гады циничные...

Шкуру он зашнуровал на совесть – эти не только одежда, но и защита. От мелких зубатых. Впрочем, устроители Лабиринта вряд ли будут повторять уже пройденные им «препятствия».

Вперёд шёл снова осторожно, назад не оглядываясь.

Поэтому когда шагов через двести всё же оглянулся, не удивился, что никто на белом полу уже не лежит.

Ладно. Вот проверка на решение «этически-моральных» и сексуальных проблем и преодолена. Только...

Преодолена ли так, как надо чёртовым наблюдателям?.. И...

Последняя ли это проверка?!

Всё чаще он задумывался – какую цель могло преследовать его помещение сюда? Что хотят про его поведение и мышление выяснить чёровы беспринципные твари, которые, похоже, и так собаку съели в плане знания человека и его физиологии-психологии-инстинктов, да и всего остального? Ведь чтобы создать «персональный» «секс-символ» явно нужно знать *его* предпочтения, и покопаться в неосуществлённых пока *мечтах*?!

Значит, секретов-то у них, по крайней мере, в отношении него, нет?

И – главное! – что ожидает его теперь, когда он явно перешёл на самый сложный, социально-поведенческий, Уровень?

Люки в боках коридора открылись снова одновременно – он дёрнулся, но удержал палец от нажатия!

Хотя может, и зря! Потому что на него бежали «последствия» необузданного секса: слева выскочила чуть постаревшая, но от этого ещё более желанная «девушка его мечты», в шикарном «вечернем» платье с разрезом «от пупка», а справа...

Блинн... Три его копии в мужском варианте. И одна – в женском. В чудесных костюмчиках, и платьечке в воздушных оборочках...

Лицом мальчики были: один в один – он сам! В трёх, пя-

ти, и десятилетнем возрасте. А девочка – вылитая «мамочка», только лет в семь. И – с восхитительными кудряшками и по-детски припухлыми коралловыми губками, и румяными щёчками...

Со смехом и выкриками: «Папа!», «Папочка!», «Дорогой!..», «Наконец-то!», ему облепили колени, бёдра и грудь. Бишоп сглотнул.

Даже для социально-поведенческого эксперимента... это... как-то... Чересчур!

– Милый! Ужин готов! Идём скорее – расскажешь, как на работе, и что нового в Городе... – если раньше её движения напоминали породистую кошку, то теперь – скорее, кого-то заботливого, сугубо домашнего... Курицу-наседку? Опекающую выводок?

– Па! Мне училка по математике дала готовить реферат по Лагранжевой геометрии...

– Папочка! Идём, я покажу тебе мою новую куклу!

– Па! Там у меня машинка не заводится! Посмотришь?..

Бишоп уверенно повлекли к левому проёму, который почему-то не собирался закрываться. Ага. Вон оно как.

Там – интерьер огромной, и судя по всему, удобной и благоустроенной, полностью оборудованной квартиры. Уютное Семейное, так сказать, гнёздышко... Разумеется, с панорамным, во всю стену, телевизором в гостиной, полным холодильником на кухне, и трехспальной крепкой кроватью в спальне.

Стать... Семьянином?! Что ждёт его там, внутри, если он пересечёт входной проём, и дверь, быть может, навсегда, захлопнется?! А-а-а-а!!! Помогите!

Сознание в панике пыталось справиться с происходящим – ну не вырываться же ему действительно – силой, из плотно держащих, и «любящих» ручонки и рук!.. А вдруг всех этих детей, и правда, синтезировали, используя именно *его* сперму?!

С другой стороны – *ну и что?!*

Сознание неумолимо подсказывало, что всё – неправда! Не «всамделишное»! И его просто очередной раз тестируют! И если он войдёт в эту дверь – может навсегда распрощаться...

С чем? С последней, исчезающее малой толикой надежды, что если он пройдёт этот Полигон до конца, от него всё же отстанут?!

И – вернут. Туда, откуда забирали...

Но отцовские инстинкты, и тёплые ручонки, да и та, вожденная, что нежно обнимала его талию, заставляли, принуждали поддаваться: очарованию милых и беззаботных «семейных радостей», которых он до сих пор был лишён, но про которые уж так красочно распинались сослуживцы, уже обзаведшиеся...

Хотя, скорее, как подсказывал циничный прагматик, глубоко окопавшийся в его душе – просто старались сподвигнуть его, свободного и независимого, сунуть голову в ту же

петлю. Семьи и её обязанностей.

Со скандалами. Вечными простудами и врачами на дом. Школой, с её формой, из которой вечно кто-то, да – вырос. Уроками. Пикниками на природе. И – главное!

Семья сделает из любого человека примерного работника.

Заставляя зубами и ногтями держаться за хорошее рабочее место: чтоб не дай Бог, не потерять источник денег, позволяющий и достойно одевать и обучать, и содержать в порядке и машину и квартиру. И Семью. Чтоб завидовали все друзья-родственники-соседи. И чтобы прикрыть «правдивыми» радостными заверениями, что «у них с милой Софи всё просто замечательно!», пустоту и безысходность в груди.

Осознание того, что уже попал в такой *капкан*, из которого не существует для мужчины достойного *выхода*!..

Который не оставлял бы на сердце кровоточащих ран, а в голове – пустоты отчаяния... Не говоря уже о кармане.

Все эти мысли проносились сквозь его разум всезатопляющей Ниагарой, падая вглубь сердца, и разбиваясь в мелкие дребезги о Логику: хватит валять дурака! Всё это – обман, иллюзия! Созданная специально для того, чтобы проверить его на «прочность»!

Бежать – надо! И быстрее!.. Иначе затянет чёртов уют и спокойствие «семейного гнёздышка»! Наверняка специально и спроектированного так, чтоб он уж точно – погряз!..

– Дорогая! А стоит ли у нас в холодильнике уже остывшая водка?

Вопрос на какой-то миг потряс «дорогую». Наверняка проектировщики её поведенческих рефлексов не предусмотрели на этой стадии столь странной реплики.

Пока дама пыталась ответить, Бишоп заговорчески наклонился к детям:

– Внимание, молодёжь! Важное боевое задание! Ну-ка – кто первый?! Быстренько помогите маме достать из холодильника водку! И как можно скорее поставить её, и закуски, на стол! Папа и мама будут праздновать!

Как только цепкие ручонки с воплями восторга от новой игры оторвались от его ног и шкуры, он, что было сил, даже не выпрямившись, припустил по коридору!

На могущие ожидать впереди «ловушки» уже внимания не обращал: самая страшная – вон: орёт-визжит-плачет там, позади!.. «Дорогая», грациозно вихляя бёдрами и смешно закидывая икры, как делают все женщины, ещё пытается догнать... Дети же, зная проворство отца, просто ревут в голос!

Господи!..

Будь прокляты изощрённые мозги гнусных тварей, придумавших всё это! Утешает только одно: вряд ли есть что-то могущественней тенёт, в которые его только что старались...

А он...

И ещё грыз, разъедая сознание неумолимой гнилью, вопрос: а, может, не стоило убегать? Может, он, козёл этакий, упустил свой единственный шанс на подлинное Счастье?.. И – всё, что негласно обещали ржущие сейчас, наверное, так,

что антенны трясутся, зелёненькие человечки – у него бы было...

Со всё понимающей, и никогда не устраивающей скандалов, сексапильнейшей женой. С любящими и не шалящими детишками: которые – «Все – в него!» Которых можно учить, баловать и с которыми можно возиться, пока не... Подрастут?

А подрастут ли они *тут*?!

Семья, где всё «спроектировано» и идеально подогнано именно под него...

Кто знает – может, он и не заскучал бы с ними никогда?!..

И никогда не появилось бы мыслей разрубить эту, растворяющую его Индивидуальность, и перелицовывающую «я хочу» – в «я должен», петлю, единственным возможным способом – застрелившись?.. (Или пушку – отобрали бы?..)

О-ох... Мчась по коридору, всё дальше от затихающих вдали криков и детского плача, он и сам поминутно протирает глаза. Влага, стекая по щекам, и уже колючему от пробившейся щетины подбородку, так и падала на пол, оставляя отлично заметный след. Если бы кто пустил за ним собак...

От этого окружающее белое пространство, в котором и так плохо было всё видно, становилось ещё и туманным, и расплывчатым.

Господи! Да кончатся ли когда-нибудь его мученья?! Его мытарства по чёртову Лабиринту, ставящему теперь, когда он почти до предела измотан и нравственно и физически,

столь сложные задания?!..

С содроганием он думал, что же может быть следующим Этапом испытаний?

И – сможет ли он добраться до этого, и пройти так, чтоб не затронуло ни жены, ни детей?.. (Тьфу ты! Вот он и *почти* попался на этот крючок! Но он не вернётся!.. Трезвый наблюдатель где-то там, в уголке сознания, похихикивал себе в усы: скоро дядя Бишоп придёт в норму. И будет злиться сам на себя... А потом – и посмеётся. Ну а пока – надо бежать!)

За следующим углом оказалась его Мать.

И то, что она уже девять лет как скончалась от рака, несколько укола в сердце не ослабило!

Однако инстинктивно куда более сильное желание – повиноваться приказу крошечного наблюдателя – здравого рас-судка! – заставило его вихрем промчаться мимо трогательно распахнутых объятий!

Хотя желание прижаться к родному мягкому и привычно-заботливому телу было почти непреодолимым! Ведь именно там, во всепонимающих и успокаивающих, помогающих зарубцеваться любым душевным ранам и обидам, материнских объятиях, он и находил успокоение, когда, случалось, его и лупили в школе, или учителя придирались, или, или... Да мало ли!..

Но с матерью оказалось легче – после «жены и детей» – явный перебор!

А он – тот ещё Колобок!

«Я от дедушки ушёл, я от бабушки ушёл... А от тебя, порождение вражеского хитро...опого Разума, и подавно...»

Не уйти ему только от этого, глубоко сидящего в мозгу, циничного и прагматичного наблюдателя – себя самого.

Подлинного.

Завернув за очередной угол, он позволил себе перевести дыхание: никого!

Неужели закончились чёртовы «социально-нравственные» тесты?!

Что-то подсказывало ему, что ни нападений, ни искушений ждать уже не надо. Впереди – финиш. Конец. Выход из Лабиринта. А, может, и из самой жизни?

Может, его попросту... Уничтожат? «Деактивируют»?!

Стоило ли так упираться?

Но...

Раз уж он благополучно и «в здравом уме и трезвой памяти» добрался до самого конца, может, его всё же просто – вернут «в исходную колонию двуногих без перьев, и с плоскими ногтями»? (Платоновское, будь он неладен, определение Человека...)

То бишь – на Землю?

Инстинкт... Это он заставил его пробраться, прорваться, преодолеть все препятствия и проблемы. И он же говорил ему теперь, что – всё.

Испытания закончены.

Уж он-то представлял, что про него могли понаписать чёртовы «исследователи» в итоговом «Акте полевых испытаний»:

«Отобранный экземпляр отвечал нашим представлениям о поведении и физических кондициях среднестатистической мужской особи. Он продемонстрировал:

- отличную адаптацию к совершенно новым и непривычным для него условиям,
- хорошую сообразительность и логику при решении задач на ориентацию в упорядоченных техногенных структурах,
- быстрое освоение незнакомого типа оружия, и меткую стрельбу,
- отсутствие комплексов при уничтожении как крупных, так и мелких хищников,
- всеядность и отсутствие брезгливости,
- следование основному инстинкту так, чтобы это не снижало бдительности,
- полное равнодушие к оседлой семейной жизни,
- настойчивость в достижении цели, доходящую до фанатизма...»

Страшновато получается, если взглянуть трезво: он – идеальный... Наёмник.

Без изъянов и слабостей. Почти. А если они есть – он в состоянии контролировать их. Преодолевать. И обладает яв-

но – последовательностью в действиях, и упорством.

Но какие же, чёрт возьми, Цели *на самом деле* ставили себе и ему проклятые твари из космоса, проверяя его поведение в процессе «преодоления» всех этих препятствий?!

Проверить, получится из него хороший Работник? Солдат? Исследователь?

С холодной расчётливой головой, и твёрдой рукой?!..

Как узнать, что же про него выяснили эти...

Странно.

Он не помнил, на чём остановился. Вот амфитеатр аудитории, два десятка студенток-девушек, выжидательно смотрящих на него, вот доска, в руке – мел...

Но какой была предыдущая фраза лекции?!

Он раздражённо потёр лоб тыльной стороной кисти с мелом. Ладно, вот – формулы. Логично предположить, что раз он не дописал промежуточное выражение доказательства, с него и надо... Продолжим:

– Итак, как я уже упомянул, дифференцируя это выражение по времени, мы получим... – затылком чувствуя, что что-то не так не только с ним, но и там, в лекционном зале, но всё равно dokonчив писать новое выражение, он медленно обернулся. Взглянуть – словно бы проверить, успевают ли записывать студенты.

Странно.

А куда девались сорок с лишним парней?..

3. Безопасный способ захоронения.

Рассказ.

Теперь, когда снег на камнях стоял, очень даже хорошо стало видно, что это и не камни вовсе – а серый щебень, тусклая пыль, и обломки, рассыпающееся при растирании в руке в песочно-гравийную серую труху. Однако вот пальцы в серый цвет она не пачкала...

Хольгер стряхнул с ладони остатки песчинок, в которые раскрошил большой булыжник, вытер ладонь о зад парки. Одел рукавицу обратно. Сплюнул. Теперь-то он был точно уверен: да, это – бетон, будь он неладен.

Старый, разрушившийся от времени, дождей и холодов, бетон. Вот уж поистине, наивные ребята были эти предки: строили свои многоуровневые пещеры – дома! – из такого вот жиденького материала. Чего ж удивляться, что все «дома» давным-давно превратились в бесформенные холмики из того же щебня, сгнившей арматуры и вот такой – серой – трухи. То ли дело – гранит. И пусть его приходится долго и упорно обтёсывать, но уж если такую глыбу заложишь в стену, они будут служить тысячелетиями. И глыба, и стена!

Правда, до этой простой мысли додумался не Хольгер, и даже не его отец Хольм. Это решение для надёжной закупорки жерла пещеры Общины предложил Улаф, дед Хольма и

прадед Хольгера. Однако только два года назад их Община закончила, наконец, возведение третьей стены и прокладку воздуховодов. И теперь в Пещере зимой – тепло, а летом... Да, летом.

Летом всё равно приходится поддерживать огонь под котлами, чтобы вода, циркулирующая по змеевикам, трубам и батареям, делала жизнь в огромном скальном лабиринте хотя бы терпимой. Да и дрожжи при минусовых температурах не растут.

Хольгер передёрнул плечами: он ещё помнил, как до окончания строительства третьей стены, всем семьям приходилось на декабрь-март перебираться в общую трапезную, и жить там. Нет, не то, чтобы это уж очень сильно напрягало... Хотя да – напрягало! Едкий запах от сотен, давно не мытых, и... выделявших продукты жизнедеятельности в общий воздух, тел... И неизбежные стычки-склоки от тесноты.

С детства всё это запомнилось отлично. Как и визгливые драки между озверевающими от тесноты и невозможности никуда выйти из утробы пещеры, женщинами.

Какое счастье, что сейчас все могут жить если не парами-семьями, то хотя бы Родами! И если план Петера работает как надо, ещё до следующей зимы каждая вторая пара-семья обзаведётся собственной каморкой. Пусть небольшой – три шага в ширину, и пять – в длину – но – собственной! Так что изготовление идущего на перегородки кирпича-сырца из высушенной на солнце глины с соломой летом

продолжится.

Махнув своим, он осторожно двинулся дальше вглубь ложбины, вначале полого, а затем всё круче переходящей в овраг с совсем уж отвесными склонами, и упиравшейся в дальнем, глубоком конце, словно бы в тупик. Нет, это не тупик. Это, это...

Это полузаваленная такими же, как он только что подобрал с оттаявшего участка, обломками, *пещера*. Ух ты!.. Стало быть, это какое-то *сооружение*, как эти штуки называли те, жившие до Войны, «цивилизованные» люди!

Значит, придётся удвоить осторожность!

От чёртовых «цивилизованных» предков ждать хорошего не приходится. Разве что ещё каких-нибудь «средств массового уничтожения»! – вон, как в случае с людьми Общины Сундбю, которые раскопали, вроде, старый склад консервов, а на деле...

А на деле перемёрли почти все, отравившись этими самыми консервами. Потому что не выдержали банального Карантина у первых попробовавших хотя бы в пару недель!

Горстка тех, кто не ел, или чудом пережил отравление, так и продолжает мужественно бороться за выживание, стараясь наплодить как можно больше детей. Остальные Общины им не мешают. Но – и не помогают, и к себе не берут. Мало ли – ещё подцепишь от них какую заразу...

А лечить, кроме трав и мёда – нечем!

Так что обнаружение пусть на самой границе, но – своего

Участка, подземного «сооружения», Хольгера не обрадовал. Вот уж находка, которую пожелаешь только врагу!

Не перемереть бы.

– Кнут, Яди! Вы пойдёте со мной. Нужно осмотреть эту... Пещеру. Райдер! Если мы через... скажем, к ночи – не вернёмся, примешь командование над Общиной. А сейчас бери остальных и возвращайтесь. Да, вот ещё: если мы совсем не вернёмся – сюда пока не ходите! Хотя бы год.

– Но Вождь... Не обязательно же вам самому лезть во все дыры, которые...

– Довольно! – он оборвал неуверенно пытающегося возразить Райдера, – Я сказал. Исполнять!

Райдер буркнул традиционно-обязательное «Так точно, Вождь!», развернулся и скомандовал остальным шести охотникам:

– Стени, Бьорн! Впереди меня. Ларс и Дорн. Замыкаете. Калле и Лувах – в середине. Уходим! – а молодец. Не зря парень (Ну как – парень! Отец двоих сыновей и правая рука Хольгера!) должен или сопровождать Вождя во всех вылазках, или руководить Общиной, пока того нет, учился. Кое-чему научился. В середину поставил самых юных и ещё не владеющих всеми навыками работы с оружием.

Когда последний силуэт скрылся за гребнем холма, Хольдер развернулся к оставшимся с ним. Ох уж эта «работа» Вождя:

– Вам ясно, почему я выбрал вас?

– Конечно, Вождь. – ковырявшего, как обычно, сосновой щепочкой в зубах Яди вообще ничем нельзя было пронять. И говорил он всегда в лоб: то, что думал! – Мы – самые старые. И нами смело можно пожертвовать во Благо Общины. Но мы ещё сохранили кое-какую быстроту реакции (хе-хе)... И кое-какой боевой опыт, – он постукал себе по виску пальцем, – Поэтому, если что (Тьфу-тьфу!), – плевок через плечо, – не подведём!

Хольгер кивнул. Его люди – реалисты. Да и его самого выбрали в Вожди вовсе не за то, что он праправнук Улафа и сын Хольма. А за готовность всем, и в первую очередь – собой, пожертвовать ради выживания Общины. И храбро лезть везде в первых рядах.

– Кнут! Сразу за мной. Яди. На тебе – тылы. Вперёд.

Они медленно, поминутно оглядываясь, двинулись к пещере. Яди снял с плеча лук и наложил стрелу. Кнут поводил плечом, как всегда делал в минуты опасности.

Копьё, которое Хольгер сжимал в руке, придавало хоть какое-то ощущение защищённости: если в странном отверствии живёт, скажем, медведь или рысь, убить троём нетрудно. А вот если медведица с медвежатами – придётся бежать! Потому что, пусть меньше весящая после зимней спячки, и кормления детёнышей, самка – в тысячу раз опасней самца! Так как, словно безудержный в бою берсерк, будет защищать своих детей!

Собственно, Община Хольгера и сама руководствовалась

точно такими же принципами: для детей они готовы на всё, что угодно! Может, поэтому и выжили до сих пор. И хоть нельзя сказать, что процветают, но вымирание от голода, болезней или вырождения, как Общинам Мальма, Эриха и Коти, им точно не грозит. Так будет и дальше, если и впредь они будут вести себя осторожно и вдумчиво.

Пройти триста шагов удалось за пять минут – никаких следов, ведущих к жерлу чернеющего отверстия, на грязно-белом полотне всё ещё сохранившегося здесь, в глубокой долине, снега, видно не было. Значит, скорее всего – внутри есть некая опасность. Иначе точно: рысь ли, медведь, или волко-львы, обосновались бы. Ну, тогда и пахло бы тут соответственно, и идти пришлось бы куда медленней и осторожней! Да и людей он тогда оставил бы всех!

Хольгер остановился в пяти шагах от полузасыпанного таким же серым крошевом, как и на стенах, отверстия неправильной формы. В высоту оно, пожалуй, достигало полутора шагов, а в ширину – пяти. Следов того, чтобы кто-то пытался искусственно сузить, или хотя бы – замаскировать его, не имелось.

Значит, точно – ни людей, ни животных. Правильно он сделал, что отослал остальных. Охотой не пахнет. Тогда – просто разведка. А ему в его сорок два, можно смело лезть куда угодно – он честно исполнил долг перед Общиной: пятеро крепких и здоровых отпрысков мужского пола – достойное пополнение Племени от его лица! Да плюс ещё две

девочки. Правда, одну уже сожрали чёртовы волко-львы... Жаль Бригитту.

Они с Яди заработали ногами в унтах и рукавицами.
– Кнут, разжигай.

Кнут, опустившись на колени, вытащил из заплечной сумы трут и огниво с кресалом, сухие щепки, и палки потолка, и в пару минут разжёл костерок на расчищенной Хольгером и Яди от снега площадке. И здесь на дне лощины тоже повсюду лежал слой серого порошка вперемешку с гравием. Бетон, чтоб ему пусто было!..

Хольгер не боялся, что кто-то учует, или заметит дымок или огонь от костра – они в низине, и «походные» дрова специально высушены у водогрейных котлов.

Когда огонь разгорелся как следует, они взяли каждый по головне – толстому суку от смолистой сосны, задние концы которых Кнут предусмотрительно не слишком сильно в костёр вдвигал. Таких факелов хватает минут на десять. А им больше и не надо.

Однако вскоре Хольгер убедился, что – надо.

Пещера, куда они попали, пройдя почти не нагибаясь, под свод, оказалась ну очень глубока. Дальний конец прямого, как стрела, коридора, проложенного сквозь камень, и с небольшим, но постоянным уклоном идущего вниз, терялся в темноте. Монолитные стены явно никто не пытался хоть как-то «облагородить»: грубые грани и изломы скалы свиде-

тельствовали о том, что их ровность и аккуратность никого из строителей не волновала.

А что, интересно, их волновало?

Сохранность того, что, возможно, они здесь хотели укрыть от солнца? От... Войны? Может, очередной склад консервов? Или... оружия? Или – ха-ха! – Музей?..

Высота коридора-тоннеля, в котором они свободно могли стоять выпрямившись, достигала трёх шагов. Своды не закопчены – значит, точно: никто здесь ещё со времён Войны не ходил. Или, по крайней мере, не ходил с факелами, оставившими сейчас, когда они замерли на несколько мгновений у входа, мутно-расплывчатые чёрные пятна копоти на потолке. В ширину Хольгер насчитал шесть шагов. Хм-хм...

Похоже, здесь могли даже ездить эти старинные «автомобили». Значит, шансы на то, что внизу есть что-то дельное, не так уж и плохи. Особенно с учётом того, что он видел на входе: следы огромных ворот, превратившихся сейчас в ржавую труху перемежку с кусками не то рельсов, не то – балок, и охранявших это место неизвестно сколько лет – быть может, даже действительно с самой Войны. Если не раньше.

– Проходим внутрь. Смотреть под ноги.

Сам он свой факел поднимал повыше: чтобы осмотреть своды и стены.

Ну и – ни-че-го.

Скала, скала... Никаких следов поперечных ответвлений, или воздуховодов, как это сделано у них в пещере. Вывод

вполне однозначный: это место не предназначалось для *жи-
лья*! Иначе при входе имелись бы вырубленные по бокам ка-
раульные помещения, и по потолку была бы проложена хоть
какая-то вентиляция. Или кабели энергоснабжения – как в
найденном при Ульме бомбоубежище.

Когда отверстие входа превратилось в крохотную тусклую
точечку, а вокруг ничего не изменилось, Хольгер решил, что
– хватит.

– Возвращаемся.

А молодцы его «старички». До этого и не пикнули, когда
они чуть не бегом понеслись в чернеющую и холодную глу-
бину. И сейчас, когда точно так же внезапно ломанули обрат-
но – не возражали. Сами знают: раз ничего пока не нашли,
и пещера очень глубокая, придётся не брать нахрапом, а –
методично изучать. Для чего организовать снаружи поход-
ный Лагерь, и наготовить побольше факелов: эти уже прого-
рели как раз до половины. Только-только успеть безопасно
вернуться.

Выбравшись на поверхность, Хольгер велел напарника-
м-«старичкам» подняться по крутым склонам пещеры с обе-
их сторон, и повнимательней изучить снег и лес вокруг.

Сам он ещё раз осмотрел вход. Всё верно: вот здесь она
была, железная дверь. Может, такая же, как у Общины Брю-
ненмаа. Тогда не удивительно, что слой ржаво-чёрной тру-
хи столь толст: толщина двери наверняка не меньше метра.
Была.

Была, да сгнила – он криво усмехнулся, поддѐв носком унта кусок плоского металла – похоже, от внешней обшивки. Жаль, конечно, что не взяли «нахрапом». Да и ладно.

Хватит бессмысленного «обдумывания». Без конкретных фактов оно ни к чему не приведѐт. Пора к выходу из лощины. Через десять минут туда подойдут и разведчики.

– Докладывай ты, Яди.

– Слушаюсь, Вождь. Значит так. У лощины, на открытом пространстве, снег почти растаял. Везде – чѐртов бетон, ничего не разобрать. Только под деревьями снег есть. Отлично видно следы лося, кабана, косули, белок. Людских – нет. Абсолютно точно – нет. Иначе чѐртовые звери не ходили бы тут вразвалочку: встретил следы только неторопливых шагов. Никто из животных не... убегал от опасности. Значит здесь – спокойно. Для них.

А молодец старичок-ветеран. Сразу говорит и наблюдения и выводы. Опыт! Который со временем переходит в иное качество – когда человек делает сразу капитальные обобщения на основе одной точно подмеченной детали: вроде – «ходили шагом!».

Опыт. Вот что им всем так нужно, и вот почему больше никто и никогда не поступает, как поступали в Общине Юнатанмаа.

Это они выгоняли из Пещеры стариков, которые уже не могли приносить пользу на охоте и дома. В результате – ра-

зучились и читать, и содержать Хозяйство пещеры, и охотиться. И попросту вымерли от какой-то эпидемии. Кажется, обычного гриппа. Ну, или – необычного: сейчас уже неважно. А важно то, что их Пещерой теперь вовсю пользуется Племя Еспера – и неплохо пользуется! Вот уж кто плодится так, словно хочет рекорд установить... Их отделение от Общины Карлмаа произошло всего два поколения назад, а народу уже – чуть ли не больше, чем в дедовской Общине.

– Ты, Кнут?

– Согласен с Яди: животные непуганые. И следов людей нет. Правда, я всё-таки думаю, что когда-то Община Малахии пыталась здесь если не обосноваться – то хотя бы поохотиться. Вот. – он протянул ладонь.

На рукавице лежал грубо сделанный каменный наконечник стрелы. Они и сами делали раньше такие же. Раньше. До того, как прадед Хольгера научился изготавливать наконечники из кости с противозубьями – такие, что, раз попав в тело, уже не выпадали из него до самой смерти зверя! И сейчас такими пользуются все Общины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.